

Илья Новак

Книга дракона (сборник)

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163388
Книга дракона: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 5-699-19526-2

Аннотация

Империй, как и миров, много, и у каждой – свои герои.

Вот молодой слуга, который однажды ночью вошел в башню посреди руин древнего замка – и обратно уже не вышел (оно и понятно, ведь башня-то называлась Безвыходной). А вот смелый рыцарь, вооружившись отличным мечом и могущественным магическим амулетом, облачившись в доспехи и сев на коня, едет убивать дракона... как же разочарован он будет, когда узнает, кто на самом деле поджидает его в драконьей пещере! Ну а теперь перед нами величайший грешник мира, преступник, за свою жизнь убивший такое количество людей, что ими можно было бы заселить большой континент; гном-отшельник, попавший в самый центр смертельного противостояния могущественных колдуний; человек, который, пройдя по солнечному лучу, сумел проникнуть в прекрасный новый мир, о котором мечтал всю жизнь – и теперь не знает, как выбраться из него...

Что же, героев много – и не все еще империи уничтожены.

Содержание сборника:

Фэнтези

Книга дракона

Алмазный всплеск

Детектив

Неестественность

Герои уничтоженных империй

Ради всех грехов мира

Кривые крылья

Городская фэнтези

Из глубин

Почти полная тьма. Пришел шаман

Каббала!

Ритм

Статьи

Как мы писали "героев уничтоженных империй"

Содержание

Фэнтези	4
Книга дракона	4
Пролог: ночная погоня	4
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	29
Глава 9	35
Глава 10	38
Глава 11	41
Глава 12	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Илья Новак

Книга дракона

Фэнтези

Книга дракона

Неважно, где – но не в нашем мире.

Пролог: ночная погоня

Снаружи дом казался совсем небольшим, хотя внутри был огромен. Он напоминал старый сарай без окон с единственной узкой дверью и стоял на краю чудесного города, возле обрывистого океанского берега. В доме этом жил старый маг. И этой ночью маг понял, что его собираются убить.

У старика была седая всклокоченная борода и крупные оранжевые веснушки. Сидя за столом, он писал при свете свечи, закрепленной на глиняном черепке. Рядом с большой чернильницей лежали на столе несколько колдовских предметов, перья и четки. Стол, пара стульев да громоздкий комод – больше никакой мебели здесь не было. На балках висели пучки старых высушенных заклинаний, под высокой крышей порхали в густых тенях какие-то крошечные существа, где-то тихо журчала вода.

Обычное жилище мага. Внутри оно больше, чем снаружи, потому что за многие годы магия переполнила его. Кухня какой-нибудь гостиницы тоже ведь несет в себе следы той деятельности, которая постоянно протекает там. Дерево пропитывается запахами жареного мяса, лука, чеснока и специй, на столах остаются зарубки от ножей, жир и копоть въедаются в стены... А здесь не варили супы и не пекли пироги – в этом доме готовили новые заклинания. Наводнившая здание магия вывернула его наизнанку, завязала морским узлом и запутала так, что теперь и сам хозяин не знал всех таинственных закутков и темных залов, которые со временем будто сами собой образовались в его доме.

Снаружи донесся приглушенный звук удара, и все вокруг едва заметно дрогнуло.

Старик поднял голову, вслушиваясь, затем склонился над столом и стал писать быстрее, торопясь закончить страницу. В глубине дома раздался звук тяжелых шагов – пока еще далекие, они быстро приближались. Маг не поднял головы, когда дверь позади раскрылась, и в помещение вступила дородная фигура.

– Да, – произнес старик, одной рукой продолжая писать, а другую засовывая под стол.

– Хозяин, там...

– Я слышал, слышал. Еще немного...

Не глядя, он вытащил из-под стола котомку.

– Надо уходить, хозяин.

– Конечно. Но имей в виду, я не знаю, где мы можем скрыться.

Размашистым движением старик сгреб в котомку все, что лежало на столе, и повернулся. Толстяк – слуга и охранник мага – стоял, подняв лампу над головой. Тусклый свет озарял лицо. Похожее на человеческое... но все же не человеческое.

– Что с тобой? – спросил маг, увидев, как толстяк покачнулся. – Ты ранен?

– Дрался с ними, – пробурчал тот. – Их много, сильные... – говорил он тоже несколько необычно, не так, как говорят люди. – Налетели сверху. Запер дверь, но...

Вновь прозвучал удар, пол дрогнул.

– Сверху? – повторил старик, перекидывая котомку через плечо. – Что это значит?

– Крылья, – пояснил слуга. – Летают.

– Так-так-так...

Маг постоял, раздумывая, затем громко повторил:

– Так!

Они посмотрели друг на друга и оглянулись на дверь, когда в помещение проник далекий скрип сминающегося под ударами дерева.

– Есть другой выход, – произнес наконец старик. – Погоди, я только захвачу еще пару вещей. Вот это... и это. Ладно, теперь идем. Хотя я не вижу смысла убегать – нам негде прятаться.

Последние слова он произнес уже на ходу. Толстяк грузно топал за хозяином, так и держа лампу над головой.

Под крышей медленно двигались тени, что-то невидимое перепархивало с балки на балку, испуганно пища. Впереди журчала вода. Они миновали несколько темных коридоров – световой круг от лампы скользил по полу, выхватывая из темноты доски, проросшую сквозь щели траву и цветы. Стебли выпрямлялись, крупные бутоны поворачивались вслед двум фигурам, затем сгибались друг к дружке, будто перешептывались, обсуждая бегство хозяина дома.

Коридор стал шире. Пол сменился песком, стены – пологими барханами. Теперь вокруг тянулась пустыня.

– Ну и ну... – протянул маг. – Каждый день тут появляется что-то новое!

Они пошли медленнее. Песок мерцал, при каждом шаге над ним взлетали светящиеся пылинки. Из-за бархана донесся шелест, словно там что-то ползло, и слуга окликнул хозяина:

– Можем заблудиться!

Не оборачиваясь, маг покачал головой. Журчание стало громче, барханы исчезли: беглецы очутились в новом зале. Стены и потолок отступили, пропали, словно их и не было. Здесь все пропитала влага, наполненная пылинками – будто светящейся мукой, которую кто-то высыпал в воду, и теперь она клубилась, расплываясь облаком.

– Быстрее! – велел старик.

Они двинулись через зал, сквозь теплую водяную завесу. Толстяк захлопал носом, отфыркиваясь, огонь лампы замерцал, угасая.

Впрочем, пылинки и так озаряли окружающее пространство. На ходу беглецы гребли перед собой руками, словно шли по дну реки. Клубы света медленно перемещались, извились потоками, завихрения его образовывали омуты.

Сквозь них проплыло вытянутое тело с плавниками и хвостом.

– А это тут откуда взялось? – Когда маг открыл рот, световая пыль попала внутрь, и он закашлялся.

Большая рыба взглянула на них выпуклыми умными глазами, сквозь белесую муть поднялась кверху и исчезла в световоротах, что кружились под потолком, ставшим теперь поверхностью колдовского водоема. Толстяк выпустил бесполезную лампу, и та, покачиваясь, медленно поплыла наискось вниз.

Мимо прошмыгнула стайка юрких золотых рыбок. Висящий над полом морской конек с круглой шапочкой на голове проводил их надменным взглядом, потом толстяк чуть не наступил на краба, волокащего на спине домик с покатою крышей и увитой плющом верандой. Быстрое течение взвихрило пылинки, беглецов потянуло вперед, к круглому отверстию,

сквозь которое поток света устремлялся наружу. Их тела наклонились, старик упал – но не ударился о пол, а поплыл над ним, нелепо размахивая руками. Водяной свет замерцал. Слуга ухватил хозяина за лодыжки, пытаясь удержать, его тоже опрокинуло, после чего поток вынес обоих наружу.

С небольшой высоты они свалились в лужу и сразу же вскочили. Из широкой трубы, выходящей через заднюю стену дома, лился бурлящий светопад.

– Теперь бегом! – приказал старик.

Они побежали по узкой кромке заросшей бурьяном земли между стеной и обрывом. С потяжелевшей от влаги одежды обоих стекал свет, при каждом шаге от хлюпающих ботинок разлетались мерцающие брызги. Внизу тихо плескалась необъятная темнота океана, вверху светилась мягким зеленым светом овальная, сплюснутая снизу и сверху луна.

Они выскочили на улицу – и в тот же миг на фоне луны пронеслась крылатая тень.

– Куда? – выдохнул толстяк.

– Прочь из города. И тихо.

Их заметили. Беглецы только успели добраться до поворота улицы, когда позади раздался призывный шипящий звук, а в ответ второй, почти такой же – будто две змеи переговаривались на своем языке.

Маг свернул, начал перебираться через невысокую ограду, но зацепился. Слуга схватил его за воротник, приподнял и перешагнул через препятствие. Луна вновь мигнула, когда ее пересекла крылатая тень. Преодолев внутренний двор, беглецы перелезли через вторую ограду и очутились на круглой площади с высоким зданием в центре. Колонны, поддерживающие навес над входом, широкие ступени, стены, крыша – все из черного мрамора. Бледно-зеленый свет луны озарял висящий над входом щит с гербом в виде драконьей головы. Узкие глаза пристально и холодно всматривались в каждого, кто бросал взгляд на герб. Приоткрытая хищная пасть показывала острые клыки. Над гербом полукругом шла надпись:

ДРАКОНИЙ БАНК

– Спрячемся там? – спросил толстяк.

– Что ты! – Маг уже бежал в обход площади. – Не в городе. Здесь мы вообще не сможем укрыться. Он найдет нас где угодно.

– На берегу? Тогда зачем бежим в другую сторону?

Как только они миновали площадь, над ней возникли крылатые тени, и сзади донесся шипящий звук.

– Потому что на берегу тоже нельзя.

– В океане?

– Какой океан, что ты говоришь!

– На горе? – Слуга показал туда, где в темном небе виднелись контуры далекой вершины.

– Ты что, ничего не понял? В этом мире нам от него не скрыться. Вообще нигде!

– Но где же? – спросил тяжело дышащий толстяк.

– Пока не знаю!

Город закончился – потянулись палисадники, огороды, низкие домишки с соломенными крышами, амбары.

Петляя, маг и его слуга бежали дальше. Шипящего звука теперь не было слышно, но старик знал, что преследователи где-то рядом.

А затем началась пустыня. Не такая, как в доме мага, настоящая. Стало прохладно, песок уже отдал ночи накопленное за день тепло. Ветер шелестел в тенях, залегших между барханами.

Увязая по щиколотки, беглецы преодолели несколько пологих вершин. Толстяк дышал все тяжелее, а маг уже совсем выбился из сил. Чем глубже они входили в пустыню, тем становилось жарче. Далеко вверху из склона горы поднялся столб пламени, завернулся смерчем и исчез.

– Гулгор кашляет. – На вершине бархана маг повалился навзничь. – Не спится старику.

– А он не поможет нам?

– К нему не успеем. Все, не могу больше.

– Скоро догонят! – Слуга сел рядом, шурясь, вглядываясь в темноту. Пока что он не мог различить крылатых преследователей, но, скорее всего, они уже достигли палисадников.

– А если... – Толстяк полуобернулся и махнул рукой в сторону горы... – Если попросить помощи у Гулгора?

– Думаешь? – Маг с сомнением покачал головой. – Но где он спрячет нас? Да и не успеваем мы туда.

– Все равно побежали! – Слуга привстал.

– Нет, погоди. Нам не дадут добраться до горы. Но вообще-то... вообще-то, есть другой способ.

– Какой?

– Мне трудно объяснить тебе. Но, возможно... – Старик задумчиво ковырнул песок ногой и встал. – Да, сейчас это единственное, что может спасти нас.

Крылатые убийцы летели зигзагами низко над землей. Маленькие глаза, не моргая, смотрели вниз; они различали каждый дом, каждый огород, каждую грядку на огороде, каждый побег на грядке, каждого жучка на побеге.

Они смотрели очень внимательно, потому что тот, кто отправил их в погоню, был безумцем, способным, в случае неудачи, сотворить что угодно даже с ними, своими верными слугами.

Убийцы пересекли границу пустыни и опустились еще ниже, описывая круги над барханами. Беглецов не было. Преследователи не могли различить их среди песка.

Тогда они поднялись выше и разлетелись, чтобы охватить все пространство до одинокой горы.

Даже с такой высоты убийцы различали каждую песчинку в пустыне.

Во все стороны тянулись барханы – и не единой фигуры среди них.

Они достигли склона одинокой горы и стали возвращаться. Сильные крылья рассекали воздух. Узкие ноздри раздувались. Длинные тени то и дело проносились на фоне бледно-зеленой луны.

Беглецов не было, но убийцы не прекращали поиски.

Их крылья не знали усталости.

Их глаза смотрели не моргая.

В их маленьких мозгах зарождалась паника.

Они смотрели так пристально, как не смотрели никогда в жизни.

И не видели.

Не видели.

Не видели.

Глава 1 В ПОИСКАХ НЕГОДЯ

Наступила ночь. Погода стояла ужасная – плохой хозяин собаку на улицу не выгонит. Хотя ее никто и не гнал, она сама убежала.

Препротивнейший криволапый песик по имени Нобби, обжора и лентяй с самодвольной мордой, жил в большом доме, принадлежащем господину Шлапу, самому богатому человеку города. Супруга его, госпожа Шлап, любила животных куда больше людей: в доме обитали еще три кота, пять кошек, морские свинки, бульдог и чета хомячков с двадцатью тремя своими отпрысками.

За всей живностью следил парнишка по имени Эб Эбвин. Сейчас он, запахнувшись в пальто и нахлобучив шапку на лоб, брел сквозь пургу, иногда громко выкрикивая:

– Нобби! Нобби, ты где, дурачок?

Дурачок не отзывался. Вообще-то Эб предпочел бы назвать пса «негодяем», что он однажды случайно и сделал в присутствии хозяйки. И получил от нее страшный нагоняй. Подобные слова недопустимы в приличном обществе! – заявила госпожа Шлап. И даже если песик *слегка балуется*, то самые ругательные слова, которые к нему можно применять, – это «дурачок» или «шалун».

Ветер дул порывами, свистел, бросал в лицо Эба колкую снежную крупу. Темнота кругом, на много миль окрест – ни огонька. Лишь в стоящем на вершине холма большом доме Шлапов светилось окно спальни, где хозяйка металась из угла в угол, заламывая руки в ожидании, когда же найдут ее дорогого Ноббика.

Самое неприятное время года – еще не так холодно, чтобы снег одеялом укрыл землю, но уже и не так тепло, чтобы он совсем растаял. Темно-коричневые проплешины сменялись покрытыми тонкой корочкой лужами, куда Эб то и дело проваливался. Старые сапоги его промокли, холод пробирался под пальто.

– Нобби! – опять закричал Эб, почти с ненавистью глядя на дом Шлапов. Холодными вечерами дурачок Нобби любил устроиться на атласных подушках софы, что стояла возле большого камина в зале второго этажа, и дремать там, иногда брюзгливо порывивая на тех, кто пытался приблизиться к нему. На всех, за исключением своей повелительницы, госпожи Шлап, у которой он был любимцем. Госпожа, перед тем как лечь, всегда приходила к Нобби, желала ему спокойной ночи и нежно чмокала в слюнявую мордочку. Этим вечером, не обнаружив пса на привычном месте, она подняла большой тарарам. Разбудили слуг, обыскали весь дом – Нобби исчез. Он не в первый раз убежал, и, как обычно, во всем обвинили Эбвина. Вот так и получилось, что теперь он брел сквозь пургу по склону холма на окраине города, вместо того чтобы лежать в своей постели.

Сквозь вой ветра донеслось поскрипывание. Эб остановился, прищурился и увидел что-то громоздкое, медленно движущееся навстречу. Заржала лошадь.

– Сигизмунд! – окликнул Эб. – Это вы?

– А то кто же? – прозвучало в темноте, и Эбвин наконец разглядел очертания телеги.

– Тпру! – Кузнец Сигизмунд остановил лошадь и слез, щурясь. – Эбби, что ли? Ты чего тут бродишь?

– Пса ищу, – пробормотал Эб, недовольно морщась, – очень уж он не любил уменьшительного варианта своего имени, «Эбби».

– Собачку вашу? – переспросил кузнец, когда Эб подошел ближе и присел на край телеги. – В такую темень? А зачем ее искать... а, понял! – сам себе ответил он. – Эту, как ее... Ноппи? Поппи?

– Нобби, – поправил Эбвин.

– Во-во, Нобби. Твоя хозяйка совсем помешалась. Я ее видел только что.

Эб вскочил с повозки.

– Как видели? Где?! – Перед его глазами встала страшная картина: неугомонная госпожа Шлап в развевающемся халате, с чепцом на голове и в домашних шлепанцах, рассекает студеную ночь, выискивая исчезнувшего в пурге ненаглядного Ноббика. – Она что, тоже поперлась негодя... дурачка искать?

Они с кузнецом уставились друг на друга и некоторое время молчали.

– Какого негодя-дурачка? – спросил наконец Сигизмунд.

Эбвин пояснил:

– Это мы так Нобби называем. Дурачком.

– Дурачок, а? – Сигизмунд ослабился и несильно, по-дружески, ткнул Эба кулаком в бок. – Понял. Да нет, не хозяйку я видел, а собаку вашу. Пса то есть. Этого Нобби-Шнобби.

– Ну? – обрадовался Эб. – Куда он пошел, говорите скорее!

Лицо Сигизмунда погрузнело, и Эбвин спросил:

– Что, в Кривой лес побежал?

В этом лесу мало кто гулял или собирал грибы-ягоды. Иногда из-под земли там доносился приглушенный гул, а сама земля принималась мелко дрожать. Впрочем, по какой-то непонятной причине происходило это только летом, весной или осенью, но никак не зимой. И хотя сейчас стояла зима, Эбу все равно вовсе не улыбалось идти в Кривой лес.

Впрочем, тут же выяснилось, что идти туда и не надо. Сигизмунд, махнув рукой, произнес:

– Да вот... Вот, понимаешь ли, куда он пошел...

Эб повернулся в сторону, указанную кузнецом. Небо было – чернее некуда, но между пологими склонами двух холмов протянулась широкая тень, еще более темная, чем весь остальной пейзаж.

– Туда? – ахнул Эбвин. – Ну, все! Так я и знал. А вы не путаете, Сигизмунд?

Они посмотрели на распадок между холмами и переглянулись. Кузнец ответил:

– Нет, Эбви, не путаю я. Точно, видел твоего пса. Туда он и побежал, к замку Кастеляна.

Лошадь всхрапнула и махнула хвостом, как бы призывая хозяина побыстрее закругляться с разговорами и давая понять, что в конюшне ей будет куда уютнее, чем на овеваемом всеми ветрами склоне холма.

– Про замок-то всякое говорят, – произнес Сигизмунд раздумчиво. – Говорят, кто туда ночью забредет – назад уже не вернется.

– Пустые рассказы... – возразил Эб. – Кто говорит? Тот, кто возвращался?

– Ха! – невесело откликнулся кузнец. – Это ты, Эбви, конечно, ловко мне ответил. Однако же почему «пустые рассказы»? Замок-то уже множество лет брошенным стоит. И башня там эта... Безвыходная. А про Кастеляна я всякое слышал – будто бы был он страшным магом, но поссорился с еще более страшным Бардо Тодолом, и в таинственном месте под названием Цукат произошла у них битва...

– И, скрываясь от мести Тодола, Кастелян приехал к нам, обосновался в замке... – нараспев подхватил Эб.

– Да-да, а Тодолу в конце концов удалось разыскать врага и наслать на него могущественное заклинание...

Потерев ладонью замерзший нос, Эбвин возразил:

– Вы меня не пугайте, я и так уже... то есть, я раньше все это и так уже слышал. Но не верю. Просто старый замок, развалины. И про Цукат – это только сказочки. А в Безвыходную башню все равно никак не попасть. Никто там не живет, даже бродяги. Нобби скорее всего за какой-нибудь крысой побежал. Он любит крыс гонять. Сейчас я туда пойду, быстро Нобби отыщу, надаю дурачку, негодяю такому, по ушам и вернусь. Так?

– Так, – согласился Сигизмунд, перегибаясь через борт телеги и выискивая что-то среди соломы, устилавшей дно. – Это ты правильно сам себя подбадриваешь. И вправду, ничего там, в замке, нету. И Мармышка-дурачок стал дурачком не после того, как однажды сбился с дороги и к Безвыходной башне ночью случайно забрел... нет-нет, не после этого. Однако же, Эбви, я вот что тебе скажу: плюнь, иди домой. Завтра поутру пса своего отыщешь.

Очень бы хотелось Эбвину последовать совету Сигизмунда, но в том-то и дело, что пес был не его, а хозяйский. Эб представил себе те слова, с которыми к нему обратится возмущенная госпожа Шлап, когда он придет обратно один, представил ее *доброе* и очень *красное* лицо, наконец, представил *внимательный* взгляд господина Шлапа... и понял, что без Нобби возвращаться не стоит.

Тем временем кузнец, приглядевшись к Эбвину и уяснив, что тот ну никак не может вернуться с пустыми руками, протянул выуженный со дна телеги факел.

– Раз решил, так иди быстрее, пока пес совсем куда-нибудь не запропал. Что-то зимы с каждым годом у нас все студенеет. Это не стариковские ворчания, не думай. Мир портится, Эбби, все стало таким холодным, тусклым. А люди? Ты уже слышал, что Вард-молочник пропал?

– Как пропал? Куда пропал? – удивился Эб.

– А вот так. Взял и исчез. Знали бы, куда – нашли бы. Помнишь, как твоя бабуля Снок? Просто не стало, и все тут.

– Да когда же он успел, я же только сегодня в обед его видел!

– Недавно совсем, вечером. Я от него еду. Ладно, вот, возьми факел. Совсем темно уже. Кресало есть у тебя?

– Есть, – сказал Эб, принимая факел, длинную палку, один конец которой обматывали пропитанные горючей смолой тряпки. – Но только вы это, Сигизмунд... пожелайте мне удачи, что ли? Чтоб я, не ровен час, и сам не пропал, как Вард.

Глава 2 БЕЗВЫХОДНАЯ БАШНЯ

Холодало. Ветер уже не свистел, а тонко подвывал, будто голодный цепной пес, трепал полы пальто, набрасывался на Эба и кусал его за нос острыми ледяными зубами. Светящееся окно дома Шлапов давно исчезло из виду, как и сам дом, вокруг были только холмы да поля. Городок остался позади, из тьмы выступил замок Кастеляна.

Хлюпая сапогами в мокрой каше из грязи и снега, Эбвин бежал что было сил – минуту назад он заметил Нобби.

– Сюда! Иди сюда! – вопил Эб, размахивая еще не зажженным факелом. – Нобби, дурак, брось ты эту крысу!

Но маленький силуэт, едва-едва различимый сквозь пургу, уже исчез в проломе окружающей замок стены, лишь раздалось почти заглушенное воем ветра тьяканье.

– Ведь это ты нарочно... – бормотал Эбвин, перебираясь через камни. – Или я тебя не знаю? Нарочно, чтоб поиздеваться надо мной!

Он остановился, глядя по сторонам. Стены треугольником охватывали двор замка. Рядом с центральным строением высилась Безвыходная башня. Ее скорее следовало бы назвать Безвходной – потому что в ее толстых стенах не было видно ни одного окна или двери, ни единого отверстия. Она и вправду была очень высока, даже выше шпиля, торчащего на крыше городской ратуши.

Ветер стих. Впереди опять раздалось тьяканье.

– Нобби! – завопил Эб, переходя на бег. Сапоги увязали в грязи, Эбвин то и дело спотыкался о камни и куски старой кладки. – Нобби, негодя... шалун, иди сюда!

Как всегда, шалун не слушал Эба и вообще не обращал на него никакого внимания, а делал что хотел. И этой ночью ему пришла охота обследовать замок Кастеляна...

Эб почти уже настиг пса. Он отчетливо различал его перед собой и даже вытянул руку, чтоб схватить дурачка за куцей хвост, но тут Нобби, издав визгливый лай, рванулся прямо в

дверной проем центрального строения. Эб помчался следом, ругаясь и выуживая из кармана кресало. Грязный снег под ногами сменился каменным полом.

Впереди раздался цокот собачьих коготков о ступени – Нобби достиг лестницы. Эб вытянул руку, нащупал холодные перила и стал подниматься.

На площадке второго этажа ему пришлось остановиться, чтобы зажечь факел. Вспыхнули просмоленные тряпки, и Эб мельком разглядел кончик хвоста, мелькнувший за перилами – Нобби бежал дальше, вверх.

Длинными прыжками Эб взлетел по следующей лестнице и очутился в большой комнате. Через пролом окна задувал ветер. Пес стоял на подоконнике, выглядывая наружу.

– Стой! – вскрикнул Эб. – Осторожно, упадешь!!!

Нобби повернул к нему приплюснутую мордочку с вытарашенными черными глазками и презрительно фыркнул.

У Эба было живое воображение – он представил, как Нобби вываливается из окна... а затем перед его мысленным взором развернулась вот такая картина: похороны на городском кладбище, медленно падают крупные снежинки, хмурое небо в облаках, черные, безлистые деревья. Рыдающая госпожа Шлап идет, поддерживаемая супругом. Гроб с хладным телом Нобби несут безутешный бульдог, пять унылых хозяйских кошек и пригорюнившиеся морские свинки. Позади шествует толпа хомячков с венками. Траурные речи, большая каменная статуя облаченного в длинный камзол Нобби, стоящего на задних лапах, с орденами на груди... Вдруг толпа разом оборачивается – все взгляды устремлены на одинокую фигуру Эбвина, и прекрасная в своем горе госпожа Шлап указывает на него дрожащим пальцем: «Это он, он убийца маленьких собачек!»

Эб моргнул, видение исчезло. Он стоял посреди комнаты на четвертом этаже полуразрушенного замка и смотрел на Нобби. Издав короткий визгливый лай, пес спрыгнул с подоконника.

Но не внутрь, а наружу.

Перегнувшись через подоконник, Эбвин увидел, что вдоль стены тянется широкий карниз, даже не карниз, а каменная полка. Он глянул влево, вправо – и заметил Нобби, деловито обнюхивающего сбитый из досок мосток. Один его конец опирался на карниз, а второй исчезал во тьме.

Впереди высилась Безвыходная башня, мосток соединял два здания. Наверное, снизу, с земли даже днем его почти невозможно разглядеть.

– Нобби, ты же не пойдешь туда? – с надеждой спросил Эбвин, перебираясь через подоконник.

Оказалось, что пес имеет собственное мнение по этому вопросу. Он задумчиво обнюхал доски, для пробы поставил на них сначала одну лапу, потом вторую.

Прижавшись спиной к стене, Эбвин сделал осторожный шаг по карнизу. На несколько мгновений стих ветер, внизу Эб разглядел черные руины, но тут же снег пошел сильнее, пелена стремительно несущихся снежинок скрыла землю.

– Нобби! – повторил Эб. – Не делай этого... *пес!*

Пес покосился на него, фыркнул и пошел дальше.

– Я тебя придушу, так и знай! – в сердцах посулил ему Эбвин. Он сделал несколько коротких шагов и очутился возле мостка, тянувшегося наискось вверх. Теперь Эб сквозь снег сумел разглядеть, что дальний конец мостка исчезает в проломе стены Безвыходной башни. Нобби не спеша, вразвалочку, семенил вперед, издевательски помахивая куцым хвостом.

– Нобби, я не пойду туда за тобой! – пригрозил Эбвин и шагнул на доски. Они скрипнули, прогнулись, но выдержали.

Огонь факела гудел, то ярко вспыхивая, то почти угасая от ветра. Полы пальто развевались, мешая Эбу идти, колючие снежинки секли лицо. Закусив губу, он сделал несколько

осторожных шагов, стараясь не глядеть ни вниз, ни вверх – только перед собой, на дергающийся из стороны в сторону собачий хвост. Когда Эбвин достиг середины мостка, пес успел скрыться в проломе – в мрачной черной яме, которую наполняла непроглядная тьма. Факельный свет проник туда, и Эб обнаружил внутри страшной Безвыходной башни то же самое, что и в здании, из которого пришел. Рухлядь, оставшаяся от старинной мебели, каменные стены, лестница...

Вверх по ней бежал Нобби.

Размахивая факелом, Эб помчался следом и единым духом взлетел под крышу башни.

Оказалось, что весь этаж занимает один большой зал с высоким потолком. Света факела не хватало, чтоб озарить помещение, Эб сумел разглядеть лишь каменную кладку стены, возле которой стоял.

Ветер из пролома на нижнем этаже не задувал сюда, было тепло. Затхлый воздух казался очень сухим. Эб чихнул и замер, прислушиваясь. Догонялки закончились, Нобби решил поиграть в прятки. Глухая, мертвая тишина, даже свиста ветра не слышно сквозь толстые каменные стены...

– Нобби! – прошептал Эб.

Ни звука в ответ. Пес затаился где-то в чернильном мраке, неестественно густом и вязком. Мрак впитывал, поглощал свет, не позволяя ему распространиться по залу. Хотя Эбвин и без света хорошо представлял себе, что находится вокруг: рухлядь, мусор и паутина.

Он выпучил глаза, вглядываясь во тьму. Сделал осторожный шаг, замер, опять прислушался. Повторил срывающимся шепотом: «Нобби!» – и поднял ногу, чтобы шагнуть дальше. Слева, совсем близко, прозвучало рычание. Споткнувшись, Эбвин потерял равновесие, вскрикнул и упал.

Он ударился лбом, перед глазами заплясал хоровод разноцветных звездочек. Факел вылетел из руки, что-то со звоном опрокинулось. Рычание повторилось, теперь оно было испуганным и злобным. Эбвин пополз вперед и наткнулся на факел, лежащий возле упавшего подсвечника с десятком свечей.

Рычание смолкло, раздался скребущий звук, потом фырканье. Эб схватил почти потухший при падении факел, одну за другой зажег свечи. Взял подсвечник и, встав на колени, высоко поднял его над головой.

Мрак сопротивлялся, не позволяя свету впервые за многие годы озарить зал. Но свечи были из хорошего воска, поэтому темнота втянулась под ковры на полу и пышные гобелены на стенах, чернильными кляксами затаилась по углам и в изгибах мраморных статуй, спряталась за большими фарфоровыми вазами...

Ковры, гобелены, статуи, вазы?..

Эбвин задохнулся от удивления. Весь зал сиял, перемигиваясь огоньками, ослепившими его.

Под стеной был широкий, вышитый золотыми нитями диван. Лицом вверх на нем лежал старик с курчавой седой бородкой, в халате, с колпаком на голове. На груди его стоял Нобби и, скалясь, рычал в лицо старика.

Глава 3 **ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ДУШИ**

Эб пригляделся к незнакомцу. Непонятно, жив тот или мертв. Глаза открыты и смотрят в одну точку на потолке, грудь не вздымается при дыхании... но на лице, покрытом крупными яркими веснушками, нет смертельной бледности, щеки розовые. Эб перевел взгляд на массивный стол в центре зала. Там широкими красными линиями был нарисован пяти-

угольник. Сам Эбвин никогда с таким не сталкивался, но слышал, что это называется пентаграммой.

В центре пентаграммы стоял круглый аквариум.

Хотя поначалу Эб решил, что это магическая сфера. Конечно, никаких магических сфер он тоже никогда не видывал, однако слышал, что они существуют, а где еще ожидаешь увидеть их? Естественно, в жилище мага. Потому Эбвин и решил в первый момент, что это сфера, но когда пригляделся, понял – нет, обычный круглый аквариум на подставке.

Аквариум-то обычный, почти такой же, как и тот, что стоял в гостиной дома Шлапов, но содержимое его оказалось довольно странным. Никаких рыбок, никаких ракушек. Сквозь грязное стекло виднелось песчаное дно. В центре расположился маленький домик. Извивающиеся водоросли заменяли траву. По наклонной красной крыше ползла большая улитка. И все это окружали парящие в воде бледно-зеленые пылинки. Казалось, что на дне аквариума притаился потайной игрушечный мирок.

Его накрывала деревянная крышка, от нее наискось вверх тянулась тонкая черная нить. Очень черная – будто тончайшая полоска мрака. Эб проследил за ней взглядом и обнаружил, что нить почти достигает стены, но все же не доходит до нее, а просто исчезает в воздухе.

Когда свет свечей проник в аквариум, по воде пробежала рябь, пылинки взвихрились, окутав красный домик волнующимся облаком. Только теперь Эб заметил висящий на крышке большой золотой замок. Из его скважины торчал сломанный ржавый гвоздь. Покосившись в сторону Нобби, все еще рычавшего на седобородого старика, Эбвин шагнул к столу.

Вблизи стало видно, что замок не из золота. Его поверхность была необычного ярко-оранжевого цвета. Эб всегда легко управлялся со всякими запорами, засовами и замками, но этот был массивным, крепким с виду. Подергав гвоздь, Эбвин решил, что механизм, скорее всего, заклинило. Тогда он с любопытством приник к аквариуму, чтобы получше разглядеть домик сквозь зеленый туман, затем выпрямился, обеими руками ухватил замок и дернул.

Раздался щелчок, золотистое свечение разошлось по воздуху. Эб отскочил с замком в руке – тот раскрылся.

Из окошек красного домика полился свет. Он мгновенно стал очень ярким, в аквариуме будто костер разгорелся. Стекланный шар загудел, наливаясь сиянием, крышка шевельнулась, движение передалось по черной нити. Она дрогнула... и не издала ни звука.

Нет, звук все же был, но слишком высокий, чтоб его могло слышать человеческое ухо. Он волной разошелся вокруг, весь замок Кастеляна содрогнулся, тихо скрипнули камни кладки. Неслышный звон черной нити вырвался наружу и, прокатившись по заснеженным холмам и темным долинам, смолкнул в отдалении.

Стенка аквариума лопнула, луч оранжевого света протянулся к софе. Эб моргнул, увидев в этом луче неестественно вытянутую, извивающуюся человеческую фигуру. Огни всех свечей, разом ярко вспыхнув, почти погасли.

Нобби, поставив передние лапы на лоб старика, как раз вцепился зубами в венчавший седую голову колпак, с рычанием потянул его на себя. Раздался хлопок, аквариум подскочил над столом, и оранжевый луч исчез.

Все смолкло. В грозной тишине Эбу показалось, что где-то очень-очень далеко и высоко, за холмами и долинами, на самой границе того огромного расстояния, которое сумел преодолеть звон черной нити, раздался призрачный голос, произнесший одно слово:

– **НЕУЖЕЛИ?**

Свечи опять разгорелись, в зале стало светлее. Аквариум исчез, в пентаграмме на столе остались только осколки стекла да лужа воды. Сине-зеленые растения, красный домик с улиткой – все, что раньше находилось на дне, исчезло.

Сверху раздался треск, на пол посыпалась пыль.

– Кха! – произнес чей-то голос. – И где это я?

Эб повернулся к софе.

Нобби стоял на задних лапах на груди старика, а правой передней с силой хлопал себя по мохнатому лбу.

– Неужто вернулся, а?

Эб раскрыл рот, закрыл, потом опять раскрыл, но так ничего и не сказал.

Нобби неловко повернулся, его нос очутился у самого носа старика.

– А-А-А-А-А! – заорал он страшным голосом, подскочил и сверзился с софы на пол. – Это же я! Я!!!

– Что такое? – пробормотал Эб непослушным языком. – Ты... вы кто?

– Кто? Кто я?! – Нобби оскалился, залаял, но тут же ошарашенно смолк, зажав передними лапами пасть. Вновь поднявшись на задние лапы, он хрипло прокашлялся, постучал себя по груди, успокаиваясь, изогнулся, ненароком увидел свалывшуюся шерсть на конце своего хвоста и вновь заорал.

– Это мое? Хвост?! – Пес крутанулся волчком, упал, но сразу же вскочил. Положив передние лапы на край софы, вытянувшись на цыпочках – если, конечно, так можно сказать о собаке, – он заглянул в веснушчатое лицо старика и после паузы произнес с тоской:

– Так... понял.

После этого пес уселся на край софы, заложил ногу за ногу, вернее, лапу за лапу, и тяжело задумался, позабыв про Эба.

Эбвин стоял, не зная, что ему теперь делать. Попадать в настолько нелепую ситуацию ему еще не доводилось. Поначалу он, конечно, испугался, но потом стал злиться. Нобби разговаривающий показался ему еще более противным, чем Нобби лающий и скулящий. Да и голос у собаки был неприятным, визгливым.

Треск вверху продолжался, теперь вместе с пылью на пол сыпалась древесная труха. Казалось, звук черной нити, проникнув в кладку стен и крышу, расшатал камни, заодно повредив сложную конструкцию стропил, поддерживающих купол башни.

– Так, маленький, а ты кто такой? – произнес пес, наконец обратив внимание на Эбвина. – Что здесь делаешь?

– Я... – начал Эб. Уши Нобби вдруг стали торчком, он рухнул с софы на все четыре лапы и, вытянув шею, рывкнул.

– Это что еще такое? Слышишь? Ты слышишь?!

* * *

Далеко-далеко от них Бардо Тодол проснулся.

Его спальня размерами напоминала зал приемов какого-нибудь королевского дворца. То, на чем Тодол спал, нельзя было назвать кроватью в обычном смысле этого слова – таких кроватей просто не бывает, даже у королей. Скорее, годится слово «ложе». Да, ложе, просторное, как палуба большого корабля.

Помещение озарял нежный золотистый свет. Странное дело – здесь отсутствовали стулья и кресла, зато вдоль дальней стены тянулись гранитные постаменты разной величины. На каждом высилась навечно застывшая фигура какого-нибудь животного. «Зверушки, – вот как называл их Тодол. – Мои зверушки».

Их было множество, и все разные. Собака, кошка, волк, опоссум, горный козел, ондатра, хомяк... все, кого Бардо Тодолу удалось собрать для своей галереи. Ряд начинался с маленькой мышки, а заканчивался существом таких размеров, которое могло поместиться только в этой огромной спальне.

Зверушки застыли в неподвижности. Не статуи, вырубленные в камне или дереве. И даже не чучела.

Бардо Тодол собирал скелеты.

Он поднялся, моргая спросонья, и понял, что именно разбудило его. У изголовья лежа стоял сундук. Небольшой и такой мрачный с виду, что напоминал могильный камень из черного гранита.

В тишине размеренно тикали настенные часы. Тодол уставился на сундук.

Крышку заперал большой магриловый замок, а на шее Тодола висела магриловая цепочка с магриловым ключом.

Из сундука донесся звук, будто кто-то задел туго натянутую леску. Именно этот звук разбудил Бардо минуту назад. Тодол ждал. Звук повторился – тогда маг снял с шеи ключ и отпер замок.

Посередине сундука висела книга в черной кожаной обложке, прикованная ко дну парой толстых цепей. Вместо названия на ней красовался большой глаз.

Не нарисованный и не тисненый – просто выпуклый живой глаз. Узкий, с сероватым белком и черным зрачком, напоминающим бездонный колодец, ведущий в другой мир. В мир безымянной книги с черной обложкой.

Когда крышка раскрылась, цепи звякнули, и книга качнулась от движения воздуха. Лишь прищурившись, Тодол смог разглядеть тонкую черную нить, что тянулась от книги наискось вниз и исчезала, растворялась в воздухе. Пока Бардо смотрел на нее, нить дрогнула, и в спальне прозвучал все тот же звук.

– *Неужели?* – громко произнес Бардо Тодол, наклоняясь над сундуком.

Казалось, что глаз разумен и тоже смотрит на Тодола. Причем смотрит с определенным и очень сильным чувством.

Этим чувством была ненависть.

Бардо чуть улыбнулся и заглянул в выпуклый черный зрачок.

Внутри он увидел двор замка и Безвыходную башню посреди него. В башне что-то происходило, но Тодол пока не мог понять, что именно. Зато он понял главное: старый враг проснулся и потревожил черную нить.

А нить вдруг порвалась. Только что она висела, туго натянутая, в воздухе, а теперь с пронзительным «ДЗЕННН!!!» исчезла.

Это могло означать лишь одно: Кастелян на свободе.

Взгляд Бардо медленно прошелся вдоль галереи, достиг самого конца, задержавшись на мыши, двинулся назад и в конце концов остановился на одном из скелетов. Скелеты не были нужны Тодолу для того, что он собирался сделать. Они просто помогали магу выбрать подходящую зверушку из тех, что могла предоставить ему черная книга.

– Ты, – сказал Бардо Тодол и вновь склонился над сундуком. – Ты подойдешь лучше всего.

Глава 4 ЧЕРНЫЙ ГЛАЗ

Эб прислушался.

Казалось, что звуки проникают сюда из какого-то потустороннего мира, навечно скрытого туманной завесой.

Отрывистый рык.

Тявканье.

Скрип снега под лапами.

Скрежет зубов.

– Прототварь! – Нобби развернулся, при этом кончик хвоста попал в поле его зрения. Презрительно фыркнув, пес взглянул на обрывок лежащей на полу черной нити. – Тодол послал за нами свою бестию! Понимаешь?

– Нет, – ответил Эб сердито.

Нобби опять попытался встать как человек, но покачнулся и, огорченно махнув лапой, опустил на четвереньки.

– Не понимаешь, малый? Бардо Тодол поставил сигнальную нить. Она порвалась, теперь Тодол в курсе, что я на свободе. И он послал за мной прототварь. Пока не знаю, какую именно. Но скоро узнаю! Сейчас она примчится сюда... – Нобби зачем-то полез под софу, из-под которой донеслось приглушенное: – Сейчас как примчится сюда... – выбрался с другой стороны, продолжая бормотать: – Как примчится она сюда, и тогда... – Он дважды обежал вокруг стола и остановился у ног Эбвина, снизу вверх глядя на него. – Как примчится, и вот тогда... представляешь, что тогда будет?!

– Нет, – опять повторил Эб. Это был самый удачный ответ, который он в такой ситуации мог давать практически на любой вопрос.

– От нас останется еще меньше, чем от его зверушек! – взвизгнул Нобби.

– Каких зверушек?.. – совсем запутался Эб.

– Неважно, неважно! – Пес вцепился передними лапами в штаны Эба и стал дергать его, вопя. – Вода, вода тут есть, малый?

– Нет. Не знаю. Какая вода?

– Мокрая! Бочка или две? Нету, да? Тогда надо сматываться! Быстро, быстро, быстро! Эбвин решил, что ответ «нет» будет на этот раз неуместен, и спросил:

– Куда?

– В подвал, – отрезал Нобби и, вздрогнув, покосился вверх, когда ему на голову упала большая щепка. – Башня рушится! У меня в подвале был тайный ход... – пронырнув между ногами Эба, он рванулся по лестнице вниз.

Скрип снега и рычание приближались. Эб вслед за Нобби скатился по трем лестничным пролетам, пролез через люк в полу, а затем по узкой деревянной лестнице попал в темный, извилистый коридор. Ему казалось, что издаваемые таинственной прототварью звуки раздаются над головой, среди руин.

Сопение бегущего впереди Нобби перемежалось причитаниями и тихой руганью. Коридор стал уже, Эбу пришлось пригнуться, когда его макушка задела земляной потолок. Пол под ногами затрясся.

– Здесь! – тякнул Нобби. – Стой, малый, на меня не наступи!

Перед ними был уходящий вверх колодец. Из кладки на одинаковом расстоянии торчали ржавые железные скобы.

– Вот он, мой тайный ход, – сообщил Нобби.

В темноте Эб сумел разглядеть, как пес поставил передние лапы на вторую снизу скобу, затем утвердил задние на нижней скобе. Судорожно поджимая хвост, он попытался подняться дальше, но рухнул на спину, под ноги Эбвина.

– Лапы! – завизжал он, дергаясь и извиваясь, как беспомощный младенец. – Лапы, а не руки! За что такие напасти, а? Эй, малый, ты где? Слышишь меня?

– Слышу, – произнес Эб, склоняясь над псом. – Не ори, тут я.

– Как же не ори, когда не руки, а лапы?! Думаешь, приятно это? Подними меня. Только осторожно!

Пришлось перекинуть пса через плечо и придержать его рукой. Вцепившись когтями в пальто, Нобби пыхтел и повизгивал над ухом Эба, пока тот неловко взбирался по скобам.

У страха не только глаза велики, но и уши – когда они очутились на поверхности, Эб понял, что прототварь пока еще не так близко, как ему казалось. Теперь ее почти не было слышно, особенно за скрипом и потрескиванием медленно оседающей Безвыходной башни.

Извлеченный из колодца, Нобби воспрял духом и соскочил на землю.

Бодро скомандовав: «За мной, малый!», он помчался вперед, петляя меж каменных глыб, прочь от башни... и вдруг остановился.

Чуть не налетевший на него Эбвин тоже стал. Нобби замер, глядя в небо.

– Бардо? – произнес он.

Эб посмотрел вверх. Прямо над замком чернота густела, там плавало какое-то расплывчатое тело. Оно медленно перемещалось вслед за беглецами, и внутри него постепенно прорисовывался тускло светящийся круг. Еще несколько секунд Эб смотрел, не понимая, что это, а потом у его ног возник свет. Эбвин перевел взгляд на пса. Изогнувшись, тот крутился на одном месте, перебирая лапами – все быстрее и быстрее.

– Что ты делаешь? – удивился Эб.

Ответом ему был свист воздуха вокруг стремительно вращающегося тела. Нобби превратился в серый волчок, от него во все стороны полетели искры.

– Нобби, что с тобой? – повторил Эбвин.

Искры собрались в мерцающий колпак, накрывший Нобби, ярко вспыхнули и погасли.

* * *

Бардо Тодол нахмурился, всматриваясь в глаз. Он видел крошечный замок, Безвыходную башню, похожую на торчащий из земли сморщенный кривой палец, видел фигурку человечка, только что вылезшую из колодца, а рядом...

Тодол склонился к черному зрачку, пытаясь разглядеть второго беглеца. Сначала ему показалось, что он видит кого-то небольшого и совсем не похожего на человека... а затем изображение дрогнуло. Тот, в кого превратился Кастелян, окутался завесой искр.

– Фу... – Тодол выпрямился.

Черный глаз посмотрел на него, цепи звякнули. Книга явно пыталась выглянуть из сундука, и Тодол знал, что именно она хотела увидеть.

В углу спальни было квадратное отверстие, сквозь него внутрь проникал тяжелый гул. От этого гула дрожал пол, и иногда начинали позвякивать кувшины на столе. В отверстии виднелся край крутящейся ленты, по которой из нижнего помещения в спальню попадали золотистые кубики. Большая пирамида этих кубиков высилась в углу – именно она озаряла комнату своим тусклым светом.

– Нет, больше ты его не получишь, – сказал Тодол книге и опять заглянул в глаз.

Какой-то незнакомец разбудил старого врага. Но как выглядит теперь Кастелян?

Маг воспользовался магией. Совсем простое заклинание, но Тодол находился сейчас слишком далеко, не мог проникнуть сквозь защитный колпак и увидеть новый облик Кастеляна.

– Ничего, – произнес Тодол. – Какая мне разница, как ты выглядишь? Кем бы ты ни стал, ты не сможешь справиться с моей зверушкой.

* * *

Пес остался прежним, хотя Эб заметил одну странность – если он отводил взгляд и смотрел чуть в сторону, то ему начинало казаться, что тело Нобби накрывает искрящийся колпак.

– Маскировка, – пояснил пес. – Чтобы Тодол не мог понять, как я теперь выгляжу. Хотя тебя он разглядел хорошо. В этом теле колдовать очень трудно. Ладно, не стой столбом, пошли, пошли!

Миновав пролом в стене, они по пологому склону сбежали к полю. Толстый слой снега напоминал сливочный крем, покрывающий большой торт. Слева и справа поле тянулось, сколько хватало глаз, а впереди заканчивалось у лесной опушки. Пока они находились в замке, ветер успел разогнать тучи. Над заснеженным пейзажем во всей своей зимней красе чернело небо.

Посреди неба плавал глаз. Размером он был с двухэтажный дом, а формой напоминал лодку. В центре мерцал круг зрачка.

Услышав грохот позади, Эб обернулся. Безвыходная башня обрушилась.

– Все, прощай, старое тело, – произнес Нобби скорбно. – Здравствуйте, блохи, конура, «фу» и «лежать»!

Он поднялся на задние лапы возле ног Эба. Правой передней, чтоб не упасть, пес вцепился в штанину, а левой показал направление, словно капитан, стоящий у мачты своего корабля.

– Лес, а? Как называется этот лес?

– Кривой, – ответил Эб, прижимая ладони к ушам. – Я шапку в замке потерял.

– Кривой лес? То, что надо. Вперед!

– Куда? Нет, стой. Пошли назад, Нобби... – Эб приподнял пса за шкуру. – Домой, домой идем, хозяйка заждалась.

– Как ты меня назвал? – зарычал пес. – Какой я тебе Нобби?!

Эбу казалось – как только они вернутся домой, все сразу станет на свои места, черный глаз в небе исчезнет, шалун тут же прекратит разговаривать, взберется на свою любимую софу у камина и мирно задряхнет там. А прототварь... так что – прототварь? Стоит непреклонной госпоже Шлап взглянуть на нее своим особенным взглядом, топнуть на нее ногой, да еще, чего доброго, снять тапочку и замахнуться – и загадочное чудовище, поджав хвост, скуля, уберется восвояси, чтобы больше не показываться.

– Идем, идем, дурачок... – повторил Эб, прислушиваясь.

Беспокойная тишина стояла над холмами и лесом – тишина морозной зимней ночи, когда нет-нет да и скрипнет проседающий сугроб, затрещит под тяжестью снега ветка, заворчит во сне, переворачиваясь с боку на бок, медведь в своей берлоге...

Сжимая мохнатый загривок, Эб повернулся в том направлении, где, как ему казалось, стоял дом Шлапов. И тут Нобби цапнул его за руку – не сильно, но ощутимо. Ойкнув, Эб отпустил пса.

– Что за фамильярность?! – засопел тот, отплевываясь. – Какой я тебе «дурачок», совсем очумел, малый? Я... – он попытался принять величавую позу... – я великий чароплет... – и замолчал, наострив уши. – Во, слышишь, опять?

Эб посмотрел на небо – черный глаз плыл за ними, не отставая.

– Не пойму, что это за штука? – Нобби тоже глянул вверх. – То есть, понятно, что это Тодол наблюдает за нами. Глаз прислал он, но чей это глаз? Кому он принадлежал раньше? И вообще, не отвлекай меня! Прототварь близко, а воды у нас нет!

Глава 5 ЗИМНИЙ ЭЛЬФ

Услышав слово «прототварь», Эб сообразил, что призрачные звуки теперь стали громче.

Протяжное рычание.

Хриплое, яростное тьяканье.

Клацанье смыкающихся челюстей.

Шуршание снега под сильными лапами.

И все это раздавалось рядом – за ближайшим холмом.

– На руки, на руки меня возьми! – приказал Нобби. – И вперед, к лесу!

«Почему я его слушаюсь? – размышлял Эб минутой позже. – Ведь это всего лишь него-
дья Нобби, домашний пес моих хозяев...»

Впрочем, как ни далека была вся его предыдущая жизнь от пентаграмм, черных кол-
довских нитей, могущественных магов и зловещих прототварей, Эбвин понимал, что суще-
ство на его руках уже не хозяйский песик. То есть, оставаясь псом с виду, внутри он стал
теперь кем-то другим.

Увязая в снегу по щиколотки, Эбвин бежал вперед. После того, как выпал снег, это поле
до него не пересекал еще никто – белая поверхность напоминала пустую книжную страницу.
Лишь одна строчка следов, оставляемых сапогами Эбвина, будто ряд букв протянулась от
края к краю. Вот строчка преодолела треть расстояния, вот перевалила за середину и пошла
дальше, к близкому уже Кривому лесу. И тут же, накладываясь на них, другая строчка стре-
мительно рассекла край поля.

Следы лап были треугольными, с узкими клинышками глубоко продавленного снега –
отпечатками когтей. Они двигались по белоснежной странице в том же направлении, что
и следы сапог, но куда быстрее их. И достигли середины поля, когда Эбвин только-только
успел добежать до Кривого леса.

На опушке он оглянулся. Прототварь приближалась: вытянутая тень, похожая на клуб
дыма, который сильный порыв ветра разметал широкой мгlistой прядью.

Две пары мощных лап – снег под ними уже не скрипел, а жалобно похрустывал.

Пара ярко-синих глаз, фонарями освещающих поле впереди.

Оскаленная пасть, из которой лезвиями сабель торчали поблескивающие клыки.

Эб все никак не мог понять, какого же зверя напоминает прототварь. Но он решил, что
даже вооруженная своей тапочкой могучая и непреклонная госпожа Шлап вряд ли смогла
бы справиться с этим исчадием первозданной тьмы.

Он сделал шаг и будто перелистнул белую страницу – стало темно, кривые стволы с
голыми черными ветвями скрыли заснеженное поле. Нобби уже надоело трястись на руках
Эбвина и, фыркнув, он спрыгнул в снег.

– Так-так-так... – затараторил пес, устремляясь вперед. – Кривой лес, а? И где тут у
нас... – он обежал одно дерево, потом другое... – Где же тут у нас...

Эб мчался следом. В лесу снега было меньше, лишь под деревьями намело сугробы.
Стволы безмолвно высились вокруг, кривые голые ветви переплелись над головой. Они
почти скрыли небо, но все же сквозь них виднелся глаз, судя по всему, опустившийся ниже
к земле.

Казалось, что вместе с лесными животными впал в зимнюю спячку и сам лес. Тишина,
еще более глухая, чем та, что царил в Безвыходной башне, накрывала его периной из чер-
ного пуха.

– Эй! – пронзительно завопил Нобби. – Эй, где ты?!

Пес остановился между большим продолговатым сугробом и высоким дубом с очень
толстым стволом – таким толстым, что понадобилось бы человека три, чтобы обхватить его.

– Так... – он огляделся и опять завопил во всю глотку: – Старый пень, и где ты? Гар-
гантюа, слышишь?

– Ты чего? – только и смог вымолвить Эб в изумлении.

Тут же он подскочил так, что потерял равновесие и уселся в снег. Где-то рядом разда-
лось глухое ворчание. Эб огляделся, пытаясь понять, откуда оно доносится.

Сугроб дрогнул, покачулся. Заскрипел, сминаясь, снег, потом раздался вздох – сугроб развалился, из него вылез медведь.

Эб вскочил. Лесной житель поднялся на задние лапы, и стало видно, что он на голову выше Эбвина.

– Хо-хо-хо! Кто кричит? – произнес медведь хорошо поставленным, звучным, как у оперного певца, голосом. – Кому не спится снежной зимою?

– Вот ты где, – Нобби перестал скрести дерево и повернулся. – Открой двери, за нами бежит прототварь!

– Да-а? – протянул медведь, шагнув к ним. – А вы кто такие вообще-то?

– Открывай быстрее, потом поймешь.

– Знакомый голос... – Лесной житель нагнулся, приглядываясь к псу... – Но я не знаю тебя, мелкая собачка. Кто вы такие, чтобы я впустил вас на...

– Она и тебя сожрет! – взвизгнул пес. – Открой, а не то я...

Что он сделает, Нобби не успел сказать, потому что совсем близко раздался низкий вой.

– Ну, раз такое дело... – пробормотал медведь и шагнул к дереву. Он повернул сучок, и в стволе открылась широкая дверь. За нею тяжелым черным занавесом висела тьма.

– Раз так – входите...

Вой стал громче, в темноте затряслись деревья. Ветки ходили ходуном, когда длинное тело, задевая стволы боками, пронеслось мимо. Взвихрился снег – будто клубящийся поток белых хлопьев сопровождал передвижение прототвари по лесу.

– Давай, давай... – Вцепившись зубами в штанину Эба, Нобби потянул его к дубу. Эбвин перешагнул через порог, медведь вошел следом. Попад внутрь ствола, Эб оглянулся. Он увидел, что на полянку возле дуба выскочила прототварь, увидел ее синие глаза-фонари, ее разинутую пасть и огромные изогнутые клыки.

И, наконец, он понял, кого напоминает этот зверь.

* * *

Продолжая наблюдать за изображением в черном зрачке, Бардо Тодол уселся на ложе возле сундука.

Его зверушка пока еще не догнала врагов, но с каждым мгновением это «пока» становилось все меньше и меньше. Двое бежали по заснеженному полю прочь от замка и обрушившейся башни. Вернее, понял Тодол, бежал только один. Колпак искр, накрывающий Кастеляна, находился у груди человека, значит, он взял мага на руки. Выходит, Кастелян стал теперь кем-то небольшим и не слишком тяжелым?

Очень, очень интересно, подумал Бардо Тодол. Кто же ты теперь, мой старый враг?

Среди деревьев ему стало труднее различать фигуры.

Но все-таки он видел их, к тому же Тодолу казалось, что погоня вот-вот закончится. Деревья тряслись, когда зверушка пронеслась мимо них. Тодол нетерпеливо дернул головой – и, подчиняясь его приказу, книга в сундуке поднялась выше. Кроны и фигуры беглецов стали четче... что такое? Теперь их не двое, а трое!

Там появился кто-то еще – большой и косматый. Бардо подался вперед, но рассмотреть ничего не смог. Все трое скрылись в тот самый миг, когда зверушка выскочила на полянку перед дубом.

Какое-то мгновение Бардо Тодол пытался понять, что происходит.

– Дорога! – рявкнул он и зарычал от злости. – Это же моя Драгоценная Дорога!

* * *

Темный силуэт медведя скрыл поляну с прототварью, дверь захлопнулась, стало темно. Дуб содрогнулся от сильного удара снаружи, потом еще раз. Эб шагнул вперед, тут же наступил на Нобби, принявшегося верещать и ругаться. Медведь произнес в темноте над ухом Эбвина:

– Ладно-ладно, поищем выключатель, хо-хо...

Он поволок Эба куда-то в глубь ствола. Эбвин выставил перед собой руку и вжал голову в плечи, опасаясь, что сейчас стукнется о противоположную стену, но они шли и шли, поворачивая то влево, то вправо, а никаких стен все не было. Под ногами твердая и ровная поверхность, снизу тянет сквозняком, причем воздух теплый.

– Ты включишь или нет? – твякнул Нобби из темноты. – Гаргантюа, слышишь меня?

– Хо-хо, откуда маленькая собачка знает это имя? – спросил медведь, отпуская руку Эба. – Сейчас-сейчас... пусть станет свет!

Свет не просто стал – его стало так много, что Эб зажмурился и лишь спустя несколько секунд приоткрыл сначала один глаз, а потом второй.

Лампы, подвешенные на перекрещивающихся балках под высоким потолком, озарили широкую лестницу, скамейки и навесы. Покачнувшись от неожиданности, Эб ухватился за поручень. Тот тянулся вдоль стены, изгибался книзу и заканчивался у квадратного углубления в полу – платформы лифта.

Размером и формой помещение напоминало зал городской ратуши, хотя между ними имелось одно существенное отличие: и перроны, и поручни, и ступени лестницы, и лифт, и навесы – все было деревянным.

– Добро пожаловать на станцию Драгоценной Дороги, – произнес медведь, снимая с себя шкуру. – Да уж, недолгая у меня этой зимой получилась спячка.

Глава 6 СТАНЦИЯ КРИВОЛЕСЬЕ

У Эба хватило сил только прошептать: «Что такое Драгоценная Дорога?» – после чего он разинул рот, глядя на дородное, круглолицее существо с остроконечными ушами. Повесив на поручень косматую темно-коричневую шубу, подбоченившись и выпятив живот размером с бочонок, оно окинуло человека и пса взглядом больших темных глаз.

– Хо! – произнес этот страшила, приглаживая широкой ладонью всклокоченные волосы. Из них торчала пара ярких павлиньих перьев. – Дорога, которую еще называют: «С ветерком». Вы разбудили меня, зимой мы всегда закрываемся на два самых холодных месяца. Я – смотритель станции Криволесье. А вы кто такие?

Стену, возле которой они стояли, со скрежетом пронзили три изогнутых костяных лезвия. Эб отскочил. Клыки прототвари глубоко вонзились в дуб. Концы их, до того острые, что казалось – над ними кто-то хорошо поработал с точильным кругом, чуть не задели смотрящего станцию. С криком «Хо-хо!» эльф Гаргантюа отскочил.

– Я говорил, говорил! – рывкнул пес, когда клыки исчезли. – Это тебе не какая-то шавка – прототварь самого Бардо Тодола! Кстати, малый, ты успел разглядеть, на кого она похожа?

– Да, – сказал Эб. – Я не очень уверен, но, по-моему, на волка.

– Та-ак... – протянул пес. – Протоволк, говоришь?

Взяв свою шубу, Гаргантюа спрыгнул в квадратное углубление лифта.

– Давайте сюда, что ли, – позвал он. – Спустимся пониже.

Когда Эб с Нобби последовали его примеру, весь зал станции, невероятным образом угнездившейся в стволе вполне обычного с виду дуба, опять содрогнулся от удара.

– Скоро прорвется внутрь, – заметил эльф, широкой пятерней налегая на рычаг, отчего платформа с гудением пошла вниз. – Говорите, протоволк Тодола? Так почему он гонится за вами?

Эб растерянно пожал плечами, а пес ответил:

– Не глупи, Гагра. Мог бы и догадаться уже...

– Как меня назвала маленькая собачка? – удивился толстяк. – Откуда она знает... – он вдруг опустился на колени и приблизил лицо к морде пса. – Хо... хо... – задумчиво пробормотал Гаргантюа после паузы и добавил, выпрямляясь: – Глаза!

– Во-во, – польщенно сказал пес и сел на задние лапы.

– Гагра узнает эти глаза... – продолжал бормотать эльф.

– Именно. Глаза – зеркало души.

– Эти знакомые, хитрые, бегающие глазки с желтыми зрачками, эти мокрые, как недожаренная яичница, эти тусклые глазенки...

– Хватит! – рявкнул пес. – Что за шуточки?

– Большой Кастелян! – взревел толстяк, обхватил пса обеими руками и закружился так, что платформа качнулась. – Могучий Кастелян проснулся! – радостно ревел он, обнимая пса. – Он опять со старым Гагрой!

Эб, уже и сам сообразивший, что произошло, чья душа вселилась в тело песика Нобби, одним глазом посматривал на них, а другим разглядывал окружающее.

Пол станции остался сверху, они опускались вдоль четырех длинных штанг, а вокруг тянулись темные ярусы, заполненные механизмами непонятного предназначения. Между толстыми столбами вращались массивные колеса, из невидимых отверстий выстреливали струи пара, что-то гудело и равномерно лязгало.

– И это все находится под Кривым лесом? – тихо произнес Эб.

Эльф по имени Гаргантюа и по прозвищу Гагра услышал его. Отпустив Кастеляна, он повернулся к Эбвину. Торчащие из черных смоляных волос павлиньи перья покачивались в потоках воздуха, зеленый комбинезон, со штанин которого по бокам свисала длинная бахрома, туго натягивался на животе. Обут эльф был в мягкие мокасины, на шее его висели бусы из перламутровых ракушек. Уши вытянутые, остроконечные, будто в детстве Гаргантюа подвесили за них сушиться, защебив прищепками на веревке, да и забыли снять.

– С собакой Гагра разобрался, – произнес смуглолицый толстяк, теребя пальцами круглое золотое кольцо в левом ухе. – Теперь ты, человек. Кто таков?

– Да, – подал голос Кастелян, усаживаясь. – Мы так и не познакомились. Тебя как звать, малый? Откуда ты? И что делал в моем замке вместе... вместе с *этим псом*?

Пока Эб рассказывал, откуда он и что делал в замке вместе с Нобби, лифт остановился. За это время сверху несколько раз доносилось протяжное эхо грохота – протоволк пытался прорваться на станцию.

– Плохи дела, – Гагра спрыгнул с платформы. – От твари так просто не убежишь.

Ярусы широкой спиралью поднимались вокруг, лязг звучал со всех сторон. Сквозь дымный полумрак Эб различил большие круглые двери, к которым устремились Гагра и Кастелян. Боясь отстать, Эбвин побежал за ними.

* * *

Тодол нахмурился.

Беглецы скрылись, остался лишь протоволк. Он раз за разом насккивал на дуб, отбегал и таранил снова. Дерево тряслось.

Как же он мог забыть, что под Кривым лесом спрятана одна из станций Дороги! Конечно, очень скоро зверушка ворвется внутрь... Но где к тому времени будут враги?

Тот косматый, впустивший их на станцию Криволесье, – смотритель. Он знает, что делать дальше, а раз так, в ближайшее время беглецы не вернуться на поверхность...

Черный глаз обладал большой мощью, но даже он не мог заглянуть под землю. Догонит зверушка беглецов где-то там или они опять сумеют ускользнуть? Бардо оставалось только ждать, наблюдая за тем местом, где они могут появиться.

Тодол неторопливо обошел ложе. Позади был широкий стол, весь уставленный кувшинами и чашами. На куске холста лежали тельца семи дохлых крыс. Мимолетно глянув на них и улыбнувшись, Тодол достал из ящика стола большую пергаментную карту, вернулся и расстелил ее на полу возле сундука.

Карта была прямоугольной, узкая вертикальная полоска делила ее на две равные половины. За границами карты – лишь белое пространство, пустота, будто мир там заканчивался. Разноцветные пятна гор, озер и лесов, белая область на севере и зеленая на юге, океан, пустыня, горы... Тонкий пунктир показывал Дорогу. Там, где она пролегла под землей, пунктир был коричневым, а там, где выходила на поверхность, становился зеленым.

Нагнувшись, Бардо внимательно рассмотрел карту – и ощутил на себе *взгляд*.

Тодол медленно, очень-очень медленно выпрямился. Черный глаз смотрел на него, пристально и с такой ненавистью, что по спине Тодола побежали мурашки.

Какое-то время они в беззвучном поединке пялились друг на друга. Цепи звякнули, натянулись, книга качнулась и замерла. Мощь глухой ненависти, исходившей от нее, в конце концов заставила Тодола моргнуть и опустить голову. Именно потому, что книга становилась все сильнее, он и перестал скармливать ей золотистые кубики, пирамидой стоявшие в углу спальни.

Несколько раз глубоко вздохнув, чтобы унять дрожь, он опять уставился на карту.

И, наконец, обнаружил то, что было нужно ему. Пунктир дороги, тянувшийся от Кривого леса, постепенно изгибался в сторону белых треугольников и там становился зеленым.

Там, где на карте были треугольники, дорога выходила на поверхность.

– Ну что же... – произнес Бардо Тодол. – Если эта зверушка не догонит вас под землей, то кое-кто другой встретит вас наверху.

* * *

Короткий коридор вывел в туннель – прямой и такой длинный, что оба его конца исчезали в сером тумане. Вдаль тянулись рельсы, на них стоял вагон. Обшивку составляли листы фанеры, соединенные большими круглыми заклепками. Три ступеньки вели к раскрытой двери.

Нырнув в нее, Гагра скомандовал:

– За мной!

Кастелян прыгнул следом, потом внутрь забрался Эб.

– Закрой, – приказал Гагра откуда-то из задней части вагона.

Эб повернулся и налег на дверь – та с громким щелчком захлопнулась.

Свет синего фонаря озарял длинные деревянные сиденья, между которыми лежала брошенная эльфом шуба. Впереди была кабина с рычагами и парой кресел, а сзади, под круглым окошком, размещалась топка. Из нее торчала изогнутая, исчезающая в стене вагона труба, а рядом высилась гора золотистых брикетов. Кастелян уселся между креслами на пол кабины, Гагра же, отодвинув заслонку, схватил короткую лопату и принялся бросать кубики в топку.

– Что это? – спросил Эб, подойдя к нему. – Что ты делаешь?

– Гагра разводит пары, – откликнулся эльф, вовсю работая лопатой. – Пора отчаливать.

Из покрытого копотью железного бока топки торчал короткий фитиль.

– Это уголь? – Эб поднял брикет, оказавшийся на ощупь мягким и теплым, почти горячим. – Ух, а почему от него жар идет?

– Это магрил! – отрезал Гагра, забирая у Эбвина брикет и бросая его в топку. – Его гномы добывают по всему миру. Они же и построили Драгоценную Дорогу.

– Магрил? – удивился Эб, вспомнив старые сказки. – А я думал, из него кольчуги делают. Доспехи всякие...

– Ты говоришь – кольчуги? – Эльф выпрямился и опустил лопату. – Какой глупец станет ходить в кольчуге из магрила? Это все равно, что надеть на себя бочонок с порохом. Иди и сядь, сейчас поедем...

Тут в круглом окошке над топкой Эб увидел тварь, вбежавшую в туннель из ведущего от лифта коридора, и закричал:

– Вон, вон он!

Протоволок, не снижая скорости, развернулся мордой к вагону.

– Хо! – Эльф принялся хлопать руками по комбинезону. – А спички, спички-то Гагра наверху забыл! У Кастеляна есть спички?

– Откуда у меня могут быть спички? – брюзгливо откликнулся маг из кабины. – Где я их могу носить, как думаешь?

Протоволок был совсем близко, теперь все окошко занимала разинутая клыкастая пасть. Эб вытащил кресало. Гагра схватил его и, толкнув Эбвина в грудь, рывкнул:

– Держись!

Эб попятился, завороченно разглядывая страшную образину преследовавшей их твари. Клыки ее напоминали широкие изогнутые щели, ведущие в другой мир, задымленный, темный – в то самое потустороннее место, из которого по зову черной нити и появился протоволок. Клыки ушли вверх и вниз, пасть разинулась, словно тварь собиралась проглотить вагон. Теперь все окошко закрывала розово-красная глотка с алым языком, извивающимся, будто змея.

Что-то вспыхнуло, пронзительно загудело. Раздался грохот, у Эба заложило уши. Из торчащей позади вагона трубы выстрелила тугая струя раскаленного золотистого дыма, такого густого, что казалось, будто это нечто твердое. Струя вонзилась в глотку протоволка. Туннель озарила вспышка, бушующая метель из хлопьев горячей шерсти наполнила его. Всего этого Эбвин уже не видел – он рухнул под задней стенкой вагона в обнимку с Гагрой, тоже не удержавшимся на ногах. Вагон сорвался с места так стремительно, что Кастеляна вынесло из кабины. Пробороздив когтями пол, он взвился в воздух и, истошно вопя, упал на голову Эба.

Глава 7 С ВЕТЕРКОМ

Туннель то сужался настолько, что стенки вагона почти задевали его, то вновь расширялся до прежних размеров. Болтающийся на крюке под потолком газовый фонарь бросал на лица Эба и Гаргантюа синий свет. Кастелян прикорнул между креслами, положив голову на лапы. Иногда он поднимал морду и принимался говорить своим тонким визгливым голосом, и только это напоминало сейчас Эбвину о том, что пес – уже не пес, а, как выразился кузнец Сигизмунд, страшный маг из таинственного Цуката.

– Вагоны не для пассажиров, – произнес сидящий в кресле Гаргантюа. – Они для перевозки магрила.

– Магрил свозят со всех сторон в одно место? – уточнил Кастелян.

– Ага.

Кастелян кивнул и о чем-то задумался.

Хотя прошла всего пара часов, Сигизмунд казался теперь Эбу далеким малознакомым человеком, как и чета Шлапов, их дом, да и весь городок, где он жил. Ему мерещилось, что прошлое – детство, воспитывавшая его бабушка Снок, дом Шлапов – все это сон, и только сейчас, встретив Кастеляна и эльфа Гаргантюа, он медленно просыпается. А сон остался далеко позади, затерянный вместе с Кривым лесом среди заснеженных холмов и полей.

Сквозь изогнутую трубу магриловый уголь исправно выбрасывал из топки струю золотистого жара. Не такую мощную, как первая, остановившая протоволка, но все же достаточную для того, чтобы вагон несся вперед, с гудением рассекая воздух.

– Эй, могучий Кастелян, – сказал эльф, грузно поворачиваясь в кресле, – расскажи старому Гагре, что произошло. Как выбрался? И почему Кастелян теперь... так выглядит, хо-хо?

– Он меня разбудил, – произнес маг, повеяв кудлатой мордой в сторону Эбвина. – Ты ж слышал – он за хозяйским псом побежал. Бардо Тодол усыпил меня, а он раскрыл замок и разбудил...

– Раскрыл замок? – перебил Гаргантюа и уважительно глянул на Эба. – Гагра не смог раскрыть тот замок! Долго пытался, но не смог. Гагра даже ковырял его гвоздем...

– А у него получилось, причем легко. Надо пораздумать над тем, кто таков на самом деле наш Эбби. Так вот, я бы вернулся в свое тело, да рядом, на беду, оказался этот пес, ну, меня и втянуло...

Эб, внимательно слушавший его, спросил:

– Что вы не поделили с Бардо Тодолом?

Маг и Гаргантюа переглянулись, эльф усмехнулся и пробормотал себе под нос: «Да уж, не поделили, хо-хо...»

Кастелян долго обдумывал вопрос, затем сказал нараспев:

– Что ж, внимай... Это было далеко-далеко, в другом мире...

Пес покосился на Эба, с любопытством слушающего его.

– Жили там два могущественных мага, два провидца, кудесника, чародея... – он задумчиво опустил голову, провел лапой по полу и продолжил: – Долгое время они были друзьями, но затем между ними началась непримиримая вражда, вызванная... вызванная... некоторыми разногласиями. Они вступили в Великую Битву Добра и Зла. Я был Добром, а Тодол – Злом.

– Какие разногласия? – спросил Эбвин.

– Об этом я расскажу как-нибудь позже, – глухо ответил Кастелян. – Сейчас мне слишком тяжело вспоминать.

Они помолчали, но Эба снедало любопытство, и он опять спросил:

– А черный глаз, который плавал над нами? Что это такое? Глаз Тодола?

Кастелян покачал головой.

– Нет. То есть с помощью этой штуки Тодол за нами наблюдал, но я пока не могу понять, что она собой представляет. Никогда не сталкивался с такой магией...

– А протоволк?

– Ну... – протянул Кастелян. – Это трудно объяснить. Прототвари живут в протомире. Протомир создал... ну да, можно сказать, создал Бардо Тодол. Его мир населен этими существами, прототварями. Их очень трудно уничтожить. Почти невозможно.

Обдумав услышанное, Эб сказал:

– Так протоволк – это создание Бардо Тодола?

– Вроде того. Он – первооснова всех волков, самый первый, самый древний, самый злобный и могучий волк, созданный Бардо Тодолом. Кстати, старый увалень, тварь точно отстала?

– Гагра проверит.

Эльф вышел из кабины и вскоре вернулся.

– Пока не видать ее, – произнес он, усаживаясь в кресло. – Только туннель, и никого. Зимой в этом районе на Дороге нет движения.

С мягким гудением рассекая воздух, вагон несся вперед, и от равномерного перестука колес у Эба начали слипаться глаза. Широко зевнув, он покосился на спутников. Кастелян уже заснул, положив голову на лапы. Сидящий в кресле Гаргантюа изредка приоткрывал один глаз и посматривал на размытые от скорости стены туннеля. Прикрутив фитиль газового фонаря, отчего в кабине стало полутемно, он пробормотал:

– Пока тихо.

Эб поерзал, устраиваясь удобнее, вытянул ноги, закрыл глаза – и тут же заснул.

– Надо позавтракать, – произнес голос.

Сквозь сон Эбвину показалось, что говорит госпожа Шлап. Он испуганно подскочил, моргая, – никогда раньше хозяйка не снисходила до того, чтобы зайти в его полуподвальную комнатку и позвать к завтраку.

Оказалось, что перед ним стоит Гаргантюа с подносом в руках. На подносе был нарезанный хлеб и несколько кусков сыра.

– Еда для пассажиров, – пояснил эльф.

– Спасибо, – Эб взял бутерброд. – Который час?

Гагра уселся в кресло и поставил поднос себе на колени.

– Не знаю. Но мы долго спали.

Вагон мчался с прежней скоростью, вокруг ничего не изменилось – все те же стены и рельсы между ними.

– Наверное, ночь уже заканчивается, – подал голос Кастелян. – Старый увалень, а что-нибудь посерьезнее, чем сыр, у тебя есть?

Гагра покачал головой.

– Кастелян, что ты собираешься делать дальше? – спросил Эб, жуя бутерброд.

– Мне надо добраться до Зубастика.

– Зубастика? Что такое Зубастик?

После этого вопроса Кастелян молчал очень долго.

– Не смогу объяснить тебе, – произнес он наконец. – Это... нет, не смогу. Этот предмет наверняка знаком тебе, но на самом деле Зубастик – совсем не то, за что ты примешь его с первого взгляда. Он находится в центре этого мира.

– Не понимаю... – начал Эбвин, и тут Гагра, подняв к потолку вагона толстый, как сарделька, палец, произнес:

– Слышите?

Пес-маг наострил уши, Эбвин тоже прислушался. Звук, с которым двигался вагон, стал иным. Они замедляли ход.

– Магрил заканчивается. Где-то дальше должна быть станция и лестница наверх. А, вон... – Гаргантюа приник к окну, разглядывая туннель, кивнул и пошел к топке.

Теперь и Эбвин увидел узкий проем в стене туннеля. Еще некоторое время они ехали, все медленнее и медленнее, и наконец остановились – как раз у проема.

– Наверху деревня и небольшая станция, – крикнул эльф сзади. – Может, у них еще остался магрил. Только фонарь захватите.

Когда пес и Эб с фонарем в руках вышли наружу, Гагра уже стоял возле проема. Там была дверь с засовом, который эльф отодвинул. Судя по раздававшемуся скрипу, здесь давно никто не ходил.

– Пошли быстрее, – Кастелян запрыгал по ступеням. – Мы не знаем, гонится ли еще за нами протоволк. Я так думаю, что гонится.

Узкая железная лестница тянулась между каменных стен. Свет фонаря озарял капли влаги и покрывающую камень плесень. Воздух был спертый, затхлый, будто в старом пыльном шкафу, который годами никто не открывал.

У Эба на языке, как обычно, вертелось множество вопросов – и про Драгоценную Дорогу, и про станции наверху, и про черный глаз, – и он уже собрался было начать задавать их, но тут вверху заскрипело. Лестница закончилась большим люком в каменном потолке. Гагра уперся, поднатужился и откинул крышку, впустив внутрь ледяной воздух и снежинки.

– Там светлее, – пробормотал он, выбираясь наружу. Эб поставил фонарь на ступеньку и взглянул на пса.

– Чего смотришь? – откликнулся тот. – Поднимай меня.

Эбвин взял его под брюхо и передал свесившемуся из люка Гагре, после чего выбрался сам. Порыв ветра заставил его поежиться и спрятать руки в карманы.

– Глаза нет, – заметил Кастелян. – Наверно, поджидает нас где-то впереди.

Ветер сипел и сопел, будто простуженный, крутил снежные волчки над опушкой леса, возле которого они очутились. Здесь стояло всего четыре домика, от них к лесу тянулась короткая дорога. Возле распахнутого люка лежала перевернутая ручная тачка. В одном из домиков незапертая дверь раскачивалась на петлях и раз за разом громко хлопала – тоскливо, одиноко. И никого, маленькая станция, со всех сторон накрытая зимней мглой, будто вымерла.

Хотя здесь было светлее, чем на лестнице. Свет шел от леса.

– Что это такое? – спросил Эбвин.

– Роща, – Кастелян взглянул на эльфа. – Никого не осталось, а, старый увалень?

– Плохо, – согласился эльф.

Эб поднял воротник пальто и вновь спрятал в карманы озябшие руки.

– Но почему никого не осталось? Все исчезли так же, как молочник Вард?

– Какой молочник Вард?

– Когда я гнался за тобой... то есть не за тобой, а за Нобби, то встретил по дороге кузнеца Сигизмунда. Он сказал, что возвращается из дома Варда, нашего молочника. Сказал, что молочник исчез сегодня вечером.

– Кузнец и молочник, а?

Уже не в первый раз Эб заметил, как пес с Гаргантюа обмениваются многозначительными взглядами.

– Вы что-то скрываете от меня! – обвинил их Эбвин. – Почему этот лес светится?

– Я же сказал, это не лес, а роща. Строительная роща, вот как она называется. Гагра, давай поищем магрил.

Пока они разговаривали, эльф заглянул в перевернутую тачку и обнаружил там три золотистых брикета. Сунув их в карман, кивнул и пошел к ближайшему дому. Кастелян двинулся за ним, а Эб, поджав губы – ему совсем не нравилось, когда от него что-то скрывали, – повернулся к Строительной роще.

Свет лился с ветвей деревьев. Эб пошел по дорожке, настороженно их разглядывая. Деревья были не такими, как в Кривом лесу, куда меньших размеров, с тонкими белесыми стволами. На ветвях висели плоды – они-то и являлись источником света.

Плоды оказались такими чудными, что в первое мгновение Эбвин не поверил своим глазам. Сначала ему показалось, что это крупные яблоки, но необычной для яблок формы. Домики. Большие и маленькие, с наклонными и плоскими крышами, с верандами и без веранд, с балконами и без них, одноэтажные, двухэтажные, трехэтажные...

У некоторых были крошечные светящиеся окошки.

Многие были разрушены – с большинства плодов кто-то сорвал верхушки. Зрелище оказалось неприятным. Эб осторожно протянул руку и погладил нежную кожуру одной из «крыш».

Он пошел дальше, деревья заслонили станцию. Разглядывая их, Эб постепенно углубился в рощу. Плодов-домиков было мало, часто на ветках висели только черенки. Зацепив что-то ногой, Эбвин покосился вниз и разглядел в снегу огрызок: остатки крошечной крыши и часть стены с потухшим окном. Кто-то сорвал домик и откусил...

Впереди раздался шум, Эб подскочил. Что-то приближалось между стволами, темный силуэт, дергаясь и качаясь из стороны в сторону, перемещался короткими рывками. Из темноты показалась хищная вытянутая морда, приоткрытая пасть, длинное тело... и все это из ржавого железа.

Большой ящер с короткими кривыми лапами припал к земле. Круглые выпуклые глаза из матового стекла обратились к Эбвину.

Из пасти выскочил длинный язык. Тоже железный, с мелкими зазубринами на конце, весь в плоских треугольных пластинках, словно в чешуе. Наверное, в пасти язык лежал, свернутый наподобие каната, а теперь развернулся, цапнул домик с ближайшего дерева и втянулся обратно. *Хруп... хруп...* – похожие на тиски челюсти задвигались, ящер выплюнул огрызок и устался на Эба. Пасть приоткрылась. Эбвин попятился, уперся спиной в ствол, и тут зазубренный язык опять выскочил наружу. Эб присел. Язык вытянулся, вонзился в дерево над головой Эбвина и тут же убрался обратно. Ствол оказался расщепленным надвое, тонкая белая кора повисла лоскутьями, с них засочилась янтарная жидкость. Железный ящер, рывками переставляя лапы, пошел вперед. Тварь двигалась не как живое существо, но как машина. Стекланные глаза бессмысленно пялились на Эбвина.

Он побежал прочь, петляя между деревьями, пригибаясь, чтобы не цепляться за ветви. Плоды-домики качались, некоторые срывались и падали в снег позади. Выскочив на опушку, Эб увидел поджидавших его Гагру и Кастеляна.

– Ты что там делал? – начал было пес, но осекся, увидев, как между стволами высунулась голова с круглыми глазами.

– Назад! – приказал Кастелян, отступая.

– Что это такое? – тяжело дыша, спросил Эб, вслед за псом и Гагрой направляясь к люку. – Оно не живое, понимаешь? Оно из железа...

– Похоже на какую-то машину Тодола. Что она делала в роще?

– Ела домики.

– Домики? Какие домики?

Они спустились на лестницу, и Гагра закрыл люк.

– Те, что висели на ветках, – пояснил Эб, поднимая фонарь. – Вы нашли магрил?

– Только три брикета в тачке. А плоды – это заготовки, понимаешь?

– Какие заготовки?

– Это я их изобрел, – самодовольно пропыхтел Кастелян, перескакивая со ступеньки на ступеньку. – Заклинания могут возникать по-разному, здесь они растут на деревьях. Из них потом созревают настоящие здания. Ты тоже жил в таком доме. На самом деле, все здания в вашем городе...

Они достигли туннеля и быстро пошли к вагону.

– Не может быть! – сказал Эб, вслед за Гагрой входя внутрь. – Наши дома обычные, они...

Пес перебил:

– Да неужели? А ты помнишь хотя бы раз, чтобы в вашем городе строили дом?

Эбвин замолчал, не зная, что ответить. Он теперь почти совсем ничего не мог припомнить из своего прошлого. И того, как жители его города создавали свои дома... нет, этого он тоже не помнил.

Они успели проехать совсем немного. Равномерное гудение изменилось, словно поток встречного воздуха стал менее плотным. Эб посмотрел в переднее окно. Туннель стремительно раздался вширь, стены исчезли. Рельсы изогнулись, и вагон качнулся на повороте.

Какая-то сила приподняла Эбвина в кресле. На мгновение ему показалось, что он вдруг сорвался в бездонную пропасть и падает. Дух захватило, Эб вцепился в подлокотники, разинув рот.

Под вагоном простирался океанский берег.

Рельсы, выныривая из темного отверстия туннеля, полого изгибались, пересекая лабиринт торосов, раскинувшийся у подножия гор. Океан, будто спрут, протянул между ними свои щупальца. Длинные заливы, извиваясь сквозь нагромождения ледяных глыб, тянулись дальше, к горам, окружающим прибрежную долину.

Вагон круто взмыл вверх. Эб упал в кресло, его прижало к спинке. Гномы, построившие Драгоценную Дорогу, наверное, решили, что петлять между торосами чересчур долго, и приподняли рельсы на длинных опорах.

С такой высоты стало видно, что все побережье необитаемо. Привстав, Эб опять выглянул в окно, но не обнаружил внизу ни единого огонька, ни дыма из трубы. Под ним был лишь озаренный утренним светом лед, полукругом отделявший горы от грязно-серого океана, над которым стонал ветер да бушевала пуховая буря снега.

Но самое странное, что Эб увидел внизу – это широкая ровная полоса, будто молочная дорога. Она пролегла сквозь горы, берег и даже сквозь океан, теряясь вдалеке.

Рассеченный полосой надвое зимний пейзаж медленно прокручивался внизу, вагон по широкой дуге несся к горам. Пока Эб, всю жизнь проведенный в родных долинах между холмами, не привыкший к таким огромным расстояниям, рассматривал все это, Гагра вышел из кабины и сказал:

– У нас почти закончился магрил, а тварь все еще бежит за нами!

Глава 8 СВЕТ В ХОЛОДНОЙ ВОДЕ

После долгого ожидания кое-что начало происходить.

Бардо Тодол успел поспать, поесть и сделать несколько неотложных дел. Изредка он приближался к сундуку и, наконец увидев картину, скрытую внутри черного зрачка, кивнул сам себе: давно пора!

Теперь там была не ночь, а раннее утро. Пологие холмы и Кривой лес сменились горами, среди заснеженных склонов виднелись рельсы Дороги. Изображение помутнело – чем светлее становилось вокруг, тем хуже работала магия черного глаза.

И вообще, книга начинала действовать Тодолу на нервы. В последнее время он ни разу так долго не держал сундук открытым, наоборот, старался заглядывать в него как можно реже. Глаз излучал такую ненависть и такой *голод*, что Тодол очень быстро уставал. Теперь же ему пришлось общаться с черной книгой уже долгие часы. Это выматывало.

Он твердо решил, что, когда все закончится и враги будут уничтожены, больше никогда не откроет сундук.

А пока что продолжал смотреть в зрачок, разглядывая зверушку, выскочившую из туннеля позади вагона.

* * *

Придерживаясь за стену, Эб прошел назад и выглянул в круглое окошко. Далеко-далеко по ниточке рельсов мчалась мгlistая тень. Гудение магрила в топке стало тише.

– А как же... – подал спереди голос Кастелян. – Это же протоволк. Если Бардо его на кого-то натравил, он уже не остановится.

– Так что теперь делать? – спросил Эбвин у Гаргантюа. – В кабине есть рычаги – наверно, ты можешь увеличить скорость?

Эльф с сомнением стукнул носком мокапина по основанию топки и покачал головой.

– Не, теперь не выйдет. И так мало топлива осталось... – его лицо было серьезным и сосредоточенным. – Вот что старый Гагра скажет вам: плохо дело.

Они вернулись в кабину. Горы приблизились, впереди была насыпь, достигающая рельсов, от которых в этом месте отходила узкая железная лесенка. У основания насыпи стоял домик и тянулась дорожка, заканчивающаяся возле странного сооружения, что возвышалось на океанском берегу.

– Гагра, что это? – спросил Кастелян.

Вместо ответа эльф вцепился в рычаги, и вагон начал тормозить.

– Промежуточная станция, – поведаль Гаргантюа. – Здесь можно заправиться.

– А что за постройка возле океана? На нем вроде купол, и что-то крутится...

Эльф пожал плечами.

– Гагра не знает.

Под полом зашипело, заскрипело, вагон качнулся и встал возле насыпи. Все трое покинули кабину, эльф открыл дверь и шагнул наружу.

В лицо ударил холодный ветер. Они стали спускаться по железной лесенке. Эб разглядел протоволк – пока еще далекого, похожего на прилипший к рельсам клочок тумана.

Гаргантюа спрыгнул с последней ступени, плечом распахнул дверь дома и ввалился внутрь. Когда Эб с Кастеляном вошли за ним, Гагра стоял посреди небольшого помещения и шурился.

В темноте под дальней стеной виднелись накрытые крышками ведра.

– Пусто... пусто... – Крышки со звоном полетели в разные стороны, когда Гаргантюа принялся одну за другой сбрасывать их на пол. – И здесь пусто... и здесь...

Он развернулся к спутникам.

– Магрила нет!

– Почему его нет? – спросил Кастелян.

– Украли. Или не сделали запас, все отправили к Плато. Гагра не знает.

– Так... Ладно, пошли дальше. Проверим.

– А протоволк? – напомнил Эбвин.

– Все равно без магрила далеко не уедем. Давайте побыстрее.

Дорожку занесло снегом, но идти по ней было все же легче, чем по сугробам, тянувшимся вокруг. Ветер, дующий в одну сторону, к горам, гудел над торосами. Холод стоял такой, что даже в пальто Эба начало трясти. В небе над головой что-то пролетело, он присел, испугавшись, что это черный глаз опускается сверху, но нет, оно было слишком большим и к тому же тускло светилось.

– Что это? – прокричал Эбвин сквозь вой ветра, но ему не ответили.

Извивающаяся между торосами дорожка вскоре вывела их к берегу. Вода, казавшаяся ближе к земле свинцовой, дальше темнела, а потом становилась черной и сливалась с небом, будто над океаном царил вечная полярная ночь.

И в эту ночь от берега уходила широкая молочная полоса.

Здание стояло наполовину на земле, наполовину – в воде. Задняя стена была наклонной, в ней темнели отверстия, сквозь которые волны захлестывали внутрь.

– Мельница... – растерянно произнес Кастелян.

Это и вправду оказалась мельница, но необычная – с куполом. Она высоко вознеслась над путешественниками, белый свет лился из окон широкими полосами. Густые тени от вращающихся крыльев медленно проворачивались, то расходились, сливаясь в одно темное полотнище, то исчезали, уступая место свету.

Ветер ненадолго стих, с тяжелым скрипом крылья повернулись еще немного и остановились. Тени застыли, от купола оторвалось облако, похожее на большой сноп, но не сена, а нежно-золотистой ваты. Мерцая в полутьме, оно поползло прочь, подчиняясь воздушному течению.

– Смотрите, там и другие... – Эбвин указал вдоль берега. Далеко от них виднелась еще одна мельница, затем – третья, уже совсем маленькая.

Найдя дверь, эльф раскрыл ее, и яркий свет полился наружу.

В помещении с высоким потолком громко хлопала вода. Из глубокого бассейна она процеживалась дальше сквозь мягкую пористую перегородку и попадала в резервуар, а оттуда по изогнутым трубам, бурля и пенясь, выбрасывалась обратно в океан. Эб заметил, что жидкость в бассейне золотится, а та, что возвращается назад, имеет уже обычный цвет.

– Что это? – спросил Эбвин.

От губчатой перегородки к куполу тянулась труба-гармошка. Она ритмично хлопала, словно вытягивала из перегородки оранжевый свет. В верхней ее части кружились жернова – свет, попадая на них, дробился в мелкую крошку и через хрустальную спираль проникал в большую колбу, поддерживаемую двумя цепями над горящей синим огнем жаровней. У колбы был широкий раструб, языки пламени облизывали ее дно. Внутри кипело и булькало. Пока Эб рассматривал все это, из раструба медленно выползло золотистое ватное облако, поднялось сквозь отверстие в куполе. Ветер подхватил его и потащил к горам.

Часть света не попадала в колбу, а сыпалась вниз с жерновов и подобно мелкой мучной пыли висела в помещении. Гагра почесал затылок и вопросительно посмотрел на Кастеляна. Маг задумчиво обошел устройство, остановился возле изогнутого крана, под которым стояло ведро, принялся, фыркнул...

– Да, – сказал он наконец. – Световая мельница. Конечно, ее поставил здесь Бардо Тодол, больше никому.

В этот момент снаружи заскрипели крылья, труба-гармошка начала ритмично двигаться, вытягивая магию из губчатой перегородки. Зашумел воздух, в колбе загудело, и третье облако всплыло над землей.

– Океан полон магии, ведь он источник... Мельница фильтрует воду, выцеживает магию и отправляет ее по воздуху.

– Куда отправляет?

Если бы у Кастеляна был указательный палец, то, наверное, сейчас бы он многозначительно поднял его.

– К центру мира. Туда, куда направляемся мы. Гагра, знаешь, что это?

Гаргантюа склонился над ведром, в которое из крана сыпался бледно-желтый порошок. Приглядевшись к нему, эльф нахмурился и отрицательно мотнул головой.

– Гагра не понимает.

– Жмых, – пояснил пес. – Сухой магический остаток. Им можно заправить топку, как думаешь?

– О! Большой Кастелян, умный Кастелян... Надо только подождать, пока ведро наполнится.

Пес взглянул на Эба и вдруг сказал:

- Послушай, а тебе здесь опасно находиться. Ну-ка выйди наружу.
- Почему опасно... – запротестовал Эбвин, но Кастелян рывкнул:
- Выйди, я сказал!

Эб хмуρο покосился на него и вышел. Крылья вращались, протянувшиеся от них тени медленно двигались по кругу, то пересекали окна мельницы и съеживались, то попадали на неосвещенные участки и расширялись, густели. Эбвин обошел здание и встал у самого берега.

Ветер протяжно завывал над океаном, гоня непрерывную череду мелких волн. Они напоздали на заледеневшую гальку, с тихим шелестом откатывались и напоздали вновь. Эб присел на корточки и опустил руку. Вода оказалась холодной, но не ледяной. И еще – что-то непривычное было в том, как она касалась кожи. Будто щекотала ее...

Эб поднял согнутую лодочкой ладонь, поднес к глазам. Жидкость наполняли мельчайшие световые пылинки, стая беспрерывно снующих из стороны в сторону мушек – частичек магии. Эбвин долго заворожено рассматривал живущий внутри холодной воды магический свет, потом осторожно раздвинул пальцы и позволил ей вылиться в океан. Он медленно провел ладонями по поверхности волн и подался вперед. Как только соленый язык океана лизнул носки сапог, блеклые отблески возникли далеко впереди, и Эб посмотрел туда.

Ночь напоминала бесконечное полотнище материи, которой кто-то затянул горизонт. И теперь словно огромные ножницы прорезали черный бархат. Края разреза разошлись, из-за горизонта полилось сияние и затянуло небо. Эб увидел город. Башни, самая маленькая из которых была, казалось, выше самой большой горы, протянулись вверх. Блистали купола, полоскались в ярком свете флаги, стены из огромных мраморных глыб сверкали мириадами белых искр.

У подножий раскинулась пустошь, а за ней – аккуратные изгороди, исчерченные рядами грядок огороды, глиняные домики с соломенными крышами, узкие земляные улочки, колодцы под навесами, деревья, в чьих кронах порхали разноцветные птицы...

Золотые лестницы и серебряные арки, благородные минареты и красные пагоды, высившиеся на фоне одинокой горы с курящейся вершиной.

Лежащие в тени деревьев странные животные, медленно идущие по улицам существа в белых одеждах.

Над крышами – крылатые повозки без колес, влекомые изящными драконами.

Балконы с витыми перилами, колонны и дворики.

Сливочно-желтый песок пляжей.

Полоса прибоя.

Океан.

Но не такой, как этот, а живой, сине-зеленый...

Город был где-то очень, очень далеко, за небом, за границей этого мира – и в то же время совсем близко. Казалось, достаточно протянуть руку, чтобы коснуться мрамора стен... и все же он находился в недосягаемости. К этому городу можно было идти всю жизнь, и все равно он оставался где-то за поворотом ярко озаренной солнцем дороги, за пологим зеленым холмом впереди, на другом берегу весело журчащей неглубокой речки, всегда рядом, но всегда ускользающий...

Эб попятился и как только сделал шаг от берега, город пропал.

* * *

Увидев его лицо, Кастелян настороженно спросил:

– Что случилось? Ты что там увидел?

– Город... – Эб чуть не плакал. – Город за океаном. Там башни и купола. Что это?

– Башни и купола? – Кастелян опустил голову, глядя в пол. Вокруг него взвихрялся и медленно опадал сухой мучной свет. – Как бы я хотел вернуться... Это был Цукат, Эбби.

– Но где он? Где Цукат? Почему я...

– Он... он вокруг. Вокруг нас.

– Но почему...

– Готово! – Гаргантюа, показав им наполненное магическим жмыхом ведро, быстро пошел к двери.

Пес пробормотал, выскакивая за ним:

– Идем, Эбби. Я понимаю, что ты чувствуешь, но протоволк уже совсем рядом.

– Он истощает мой мир! – говорил Кастелян спустя минуту, когда под пронизывающим ветром они возвращались к насыпи. – Океан наполнен магией, а он высасывает ее...

Идущий впереди Гагра, ахнув, захохотал каблуками по лесенке. Последние несколько ступеней он преодолел одним длинным прыжком и сразу же нырнул в двери вагона. Вскоре и Эб, и Кастелян увидели причину его испуга – протоволк был рядом.

Пока эльф наполнял топку магическим жмыхом и разводил пары, Эбвин с магом прошли в кабину. Не успел Эб усесться в кресло, как вагон дрогнул и поехал, быстро набирая ход. Тут же прибежал взволнованный Гагра и сообщил:

– Совсем близко. Сейчас догонит.

В переднее окно было видно, что поддерживаемые опорами рельсы исчезают в узком ущелье между склонами гор.

– Большой Кастелян! – сказал Гагра, тыча пальцем в пса. – Чародей. Волшебник. Могучий маг в теле пса. Магопес! Так почему бы ему не поколдовать и не избавить нас от протоволка?

– Я тебе щас как наколдую! – магопес гневно застучал хвостом по полу. – Чтоб колдовать, руки нужны и пальцы. Это ж искусство, а не трах-бах – и готово. Я замаскировался от Бардо, и хватит. Если в этом теле попробую колдовать, такое может произойти... эх, да что с тобой говорить!

Пожав плечами, эльф опять метнулся в хвост вагона. Эб поспешил за ним.

Прибрежные торосы исчезли, теперь вокруг простирались лишь заросшие мхом уступы и крутые откосы. Протоволк приближался, встречный ветер срывал с бесформенного тела клочья мглы и уносил прочь. Тварь мчалась следом по узкому коридору из склонов, таких близких, что до них можно было дотянуться рукой. Ярко-синие пятна глаз-фонарей двигались длинными зигзагами, тусклые отблески переливались на изогнутой поверхности сабельных клыков.

Кастелян крикнул из кабины:

– Тут поворот! Ущелье заканчивается!

Разинув пасть, тварь издала протяжный вой. Отражаясь от склонов, он пошел гулять по ущелью оглушительным эхом. Склоны задрожали, на крышу вагона посыпались снег и мелкие камешки. Несколько камней покрупнее ударились о рельсы позади него, подпрыгивая и падая дальше, во тьму, что залегла на дне ущелья.

Протоволк прыгнул.

Глотка его мгновенно скрыла весь обзор. На крыше и под днищем вагона лязгнуло, а затем клыки, одновременно просунувшись сверху и снизу, сомкнулись, чуть не отхватив эльфу ногу. Вагон содрогнулся, Эбвин упал на колени, вцепился в сиденье.

Со скрежетом задняя стена вместе с круглым окошком смялась и исчезла в пасти. Вагон наполнился холодным воздухом, стремительно закружились снежинки. Протоволк слотнул, выпучив синие глаза, в два счета уплел обломки и опять прыгнул, разевая пасть. Тут от взгляда Эбвина его скрыла могучая спина Гаргантюа – широко расставив ноги, согнувшись, эльф обеими руками вцепился в края магриловой топки.

Он закричал, в основании топки что-то хрустнуло.

– Х-о-о-о-о... – натужно простонал Гагра, выпрямляясь. Огромная глотка приблизилась к нему вплотную. Эбу показалось, что Гаргантюа стоит на фоне красно-розовой, стремительно вращающейся воронки, куда вот-вот неминуемо свалится, закружится по сужающейся спирали и исчезнет на дне страшного багрового горла.

Эльф взревел, заноса над головой вырванную из пола топку.

Извивающийся узкий язык метнулся к нему, ударил по ногам. Гагра отшатнулся и упал на спину, но успел выпрямить руки, вталкивая гудящую топку в горло протоволка.

Вагон накренился – они достигли конца ущелья и поворота.

– Держитесь! – завопил впереди магопес.

– Держись! – закричал Гагре Эб, одной рукой цепляясь за лавку, а вторую протягивая эльфу.

– Держусь! – пробасил Гаргантюа, хватая Эбвина за запястье, в то время как ноги его торчали над рельсами, и длинная бахрама штанин бешено полоскалась в потоке ветра.

Протоволк отпрянул. Оттягивая эльфа от края, Эбвин увидел, что тварь вдруг резко остановилась. Пасть растянулась, словно в нелепой улыбке, – из нее наискось вверх, будто сигара, торчал курящийся дымком обломок трубы. Всеми лапами протоволк вцепился в рельсы, клыки его заходили ходуном, перемалывая топку.

– Берегись! – рявкнул Гагра над ухом Эба, опрокинул его на спину и сам упал рядом, накрыв голову руками.

Раздался приглушенный взрыв. Морду протоволка раздуло так, что она стала почти круглой. Глаза с писком выскочили и закачались на чем-то, что напоминало белые пружинки. Из ушей, из ноздрей, из-под сомкнутой пасти выстрелили тонюсенькие струйки дыма. Мгновение протоволк, похожий на шарик с нарисованной на нем карикатурной мордой, потрясенно паялился вслед вагону.

– УАААААЫЫЫХ! – Пасть раскрылась так широко, будто тварь хотела вывернуться наизнанку, и выпустила наружу широкий поток золотого дыма. Он тараном пробил морозный воздух, почти достиг вагона, обдал лицо Эбвина жаром. С ревом протоволк унесло по рельсам прочь. За одну секунду он превратился в чернильную кляксу, потом в точку, сопровождаемую золотистой запятой магриловой струи, – и исчез.

Горы задрожали. Где-то вверху, у далеких вершин, что-то сдвинулось, заскользило вниз с нарастающей скоростью – и как только отзвучал прощальный вой протоволка, стали слышны другие звуки. Сначала шипение, затем треск, а после и грохот. Со склонов, захватывая по пути все больше снега, маленьких камешков, камней побольше и тяжелых каменных глыб, к вагону устремилась лавина.

* * *

Бардо Тодол подскочил, увидев, как грубо обошлись враги с его зверушкой. Толстяк-эльф забросил ей в глотку магриловую топку! Тодол чуть не плакал, наблюдая за тем, как зверушку уносит прочь по рельсам. Проследив за ней взглядом и в конце концов потеряв из виду, Бардо опять посмотрел на вагон.

И кивнул.

На беглецов падала снежная лавина.

Глава 9 ВЕЧНЫЕ ЛЬДЫ

Они ввалились в кабину, когда снег уже обрушился на вагон. Гагра швырнул Эба в кресло и сам, подхватив Кастеляна под брюхо, рухнул в другое. Где-то позади лавина проломила рельсы – участок, по которому неся вагон, резко изогнулся кверху. Ревя и грохоча, снег с камнями до краев наполнил узкое ущелье. Панорама гор за передним окном провалилась вниз, ее место заняло небо. Вагон взлетел, как с трамплина. Он вырвался из kloкочущих снежных клубов, несколько секунд неся по восходящей дуге, а затем накренился вперед. Гаргантюа протянул руку к рычагу, Эб вцепился в подлокотники и поджал ноги.

Эльф дернул рычаг.

Потолок кабины распался на две части, обнажив небо. Раздалось шипение, и кресла вылетели наружу.

Глаз парил над ними, но теперь уже не черный: в тусклом дневном свете он померк, сделался расплывчатым. Контуры еле угадывались на фоне неба, чуть мерцал большой круглый зрачок... Кресла пронесли под ним; словно испугавшись столкновения, глаз поднялся и исчез из виду.

Впереди была гора, невысокая в сравнении с теми, между которыми пролегло ущелье, – путешественники летели как раз над ее вершиной. С ближней стороны каменный склон был отвесным. Вагон под креслами уже падал, стремительно уменьшаясь. Ударившись о скалы, он на секунду завис, будто прилипнув к камню, а после медленно развалился на две части. Кувыркаясь и ударяясь друг о друга, обломки полетели в пропасть.

По бокам выдвинулись треугольные крылья – крепкая материя, натянутая на деревянных рамах, – и кресла спланировали дальше. Под ногами Эба пронеслась вершина, затем потянулся крутой, но все же не отвесный противоположный склон.

Тут только Эбвин понял, что у каждого кресла есть пара широких полозьев. Он сжался, зажмурился от ледяного ветра. Хрустнул продавленный полозьями настил, и кресла понеслись по склону, оставляя за собой вздымающиеся дугами шлейфы снега.

– Хо-о-о! – Услышав этот радостный клич, Эбвин повернул голову. Оказалось, что Гагра, возвращаясь в кабину, успел захватить свою шубу. Теперь он крутил ею над головой и орал от восторга. Ветер развеивал черные волосы, павлиньи перья выгнулись назад, глаза эльфа сверкали.

Кастелян сжался на его коленях, вцепившись в комбинезон всеми четырьмя лапами, – кажется, он вовсе не разделял воодушевление Гаргантюа.

– Как тебе это, человек? – проревел Гагра, поворачивая к Эбвину покрасневшее лицо. – Есть хоть что-нибудь в ваших городах, что было бы так же прекрасно?

Он сделал широкий жест, указывая на белоснежные склоны и долины.

Кресла неслись дальше, свистел воздух, снег искрился мириадами сверкающих точек. Эбвин сидел, подставив лицо обжигающе-холодному ветру. Грудь переполняло ощущение свободы, и Эба не оставляло чувство, что если сейчас он широко расставит руки, то взлетит, как птица.

Вскоре склон стал более пологим, кресла сбавили ход. Небо светлело, впереди уже виднелись каменные уступы, деревья, припорошенные заросли. Полозья глубже погрузились в снег, Эб вытянул ногу, тормозя подошвой сапога.

– Горы, узнаю вас! – воскликнул Гаргантюа, прыгивая. Он выпрямился во весь рост, широко развел руки, поднял их над головой, словно зачерпывая полными горстями холодный воздух. – Небо! Хо! Узнаю тебя, небо!

Кастелян, покачиваясь и волоча лапы, сторонкой обошел его, сглотнул и повалился брюхом в снег.

– Психованный эльф! – простонал он, с опаской покосившись на Гагру. – Маньяк! Меня мутит всего, а он радуется.

– А мне тоже понравилось, – возразил Эбвин. – Я с такой скоростью еще никогда не катался.

– И ты псих. – Магопес зарылся в снег мордой и громко фыркнул, отчего в воздух поднялось облачко снежинок.

К ним подошел сияющий Гагра. Он успел натянуть шубу и опять стал похож на медведя, неведь зачем выбравшегося посреди зимы из своей берлоги.

– Есть ли еще хоть что-нибудь, столь же прекрасное, как это? – торжественным голосом повторил он.

– Чего прекрасного? – завопил магопес. – Мороз?! Камни?! Наст?!

– Простор. Красота. Свобода.

– Снег! Талая вода!

– Чистый воздух. Добрый костер.

– Проруби!

– Свежая рыба.

– Хищники!

– Вкусное мясо.

– И глаз!

Все трое посмотрели вверх. Почти незаметное овальное пятно с мерцающим кругом зрачка висело высоко в небе.

Гагра развел руками.

– Нет, старому брюзге никогда не понять восторг, распирающий грудь вольного эльфа при виде диких гор.

– Мою грудь распирает кашель!

Пока они пререкались, Эб глядел по сторонам. Впереди была роща, а дальше опять тянулся склон. Заметив движение над головой, Эб подскочил – ему почудилось, что черный глаз опускается на них.

Оказалось, что там летит нечто иное. Сцепленные гроздью полупрозрачные красноватые шары, толкая друг друга мягкими боками, медленно двигались в сторону рощи.

– Эй! – прокричал Эб, показывая пальцем вверх. – Кастелян, Гагра, что это такое?

– Ага, – произнес магопес. – Мы возле Плато. Тут постоянно дует ветер, чувствуешь?

– Чувствую. Ну и что?

– А то, что ветра дуют сюда с разных сторон, они сходятся здесь. Испорченные заклинания слетаются со всего света. Если память не изменяет мне, это – заклинание «огненных шаров». Помогает, когда надо срочно печку растопить. Или чтобы испепелить врага. Ладно, не удивляйся, дальше ты еще и не такое увидишь. Пошли, что ли? Нечего тут торчать.

* * *

Окончательно потеряв протоволка из виду, Бардо Тодол пригорюнился. Зверушку было жалко, но куда большую досаду маг испытывал от того, что теперь придется взять на себя дополнительные хлопоты по уничтожению врагов.

Он так и не смог разглядеть, в кого превратился Кастелян. Колпак искр все еще закрывал врага от черного глаза, подделать с этим Бардо ничего не мог. Однако он не видел никаких свидетельств того, что Кастелян и дальше пытается колдовать. Значит, решил Тодол,

новое тело врага препятствует магическим упражнениям, старик не может задействовать свои умения.

Но этот проклятый дневной свет! Чем сильнее он становился, тем более блеклой делалась картинка в черном зрачке. Хорошо хоть последние годы здесь становилось все сумрачнее, небо над горами скрывала пелена облаков – в ярком свете Тодол вообще ничего не увидел бы.

Пока беглецы медленно шли по пологому склону, Бардо размышлял, что предпринять дальше. Когда они приблизились к Плато, он понял, что ему надо сделать.

Он вернулся к галерее зверушек.

Скелеты застыли на гранитных постаментах. Здесь была вся история животного мира, от доисторических тигров до современных птиц. Взгляд Тодола потеплел, когда он рассматривал их. Бардо медленно прошелся вдоль ряда и встал возле одной зверушки, куда большей, чем та, что он использовал в первый раз.

– Ты! – сказал Тодол, помимо воли ухмыляясь. – Ты покончишь с ними.

* * *

Оставив кресла, беглецы двинулись в путь. Уже совсем рассвело, небо затянула светло-серая пелена облаков, ровный холодный ветер дул в спину. Черный глаз почти исчез из виду, он теперь плыл далеко вверх, у самых вершин.

Только сейчас Эб ощутил холод и застегнул все пуговицы на пальто. Магопес, увязавший в снегу по самое брюхо, некоторое время плелся позади, а затем скомандовал Эбу:

– А ну, возьми меня на руки!

Эбвин поднял его и заспешил дальше, стараясь не отставать от широко шагавшего Гагры. От дыхания изо рта вырывались облачка пара, скрип снега разносился по всему склону.

На него упала тень, и Эбвин глянул вверх. Между глазом и землей летел длинный клочок пушистого белого марева, будто расчесанная гребенкой влажная вата. Он медленно извивался, то сворачиваясь кольцом, то распрямляясь.

– Опять заклинание?

– Ну да, – откликнулся магопес. – Это, скорее всего, пенное заклинание стирки. Помню-помню, я когда-то его изобрел и продавал домохозяйкам. Двигается в том же направлении, что и мы, к центру мира. А вон, гляди, еще одно...

Вдалеке, оставляя за собою лохматую молочную полосу, по небу быстро катилось большое полупрозрачное колесо с тремя толстыми спицами.

– Заклинание «сам еду». Если им заклясть телегу, она покатит без всякой лошади... – раздался тонкий свист, что-то сверкающее скользнуло вверх и исчезло... – О, «Меткая стрела» – это для охотников.

– И все они движутся к одному месту?

– Да, впереди Плато. – Кастелян повернул голову к эльфю. – Эй, старый увалень, а мы поднимемся здесь? У вас, может, и получится, но я...

– Какое Плато?

– Сколько можно задавать вопросы, Эбби? Да, Плато. Формой оно напоминает пробитый барабан. Вверху там круглая долина, в ее центре впадина с еще одной долиной, поменьше. И в этой второй долине находится то самое место, к которому мы идем.

Они миновали рошу и увидели впереди отвесный склон Плато. Ветер дул к нему.

Позади раздался шелест, и Эб оглянулся.

Там, где они были минуту назад, над снегом что-то происходило. Черный глаз опустился ниже, от него к земле протянулась длинная тень. Эбвин заморгал, обнаружив, что она

стала похожа на занавес – а вернее, на два больших плотных занавеса, скрывающих сцену, что лежала за ними.

– Что там? – Кастелян пригляделся и взвизгнул: – Он открывает проход! Быстрее!

Шелест стал громче, занавесы качнулись и разошлись.

В серой пелене возникла еще одна тень. Поднявшееся на задние лапы существо сделало шаг. Как и протоволк, оно состояло из мглы, только в этот раз мгла приняла другую форму. Шерсть была клочьями черного дыма, пасть – зевом камина с пылающим огнем, глаза тлели, как угли. Когда чудовище делало шаг, над снегом с шипением поднимались струи сизого пара.

Покачиваясь из стороны в сторону, оно двинулось вперед. Занавесы сошлись, закрывая проход, стали тенью и поднялись вверх, к черному глазу.

Порожденное протомиром Тодола чудовище издало низкий вой. Оставляя за собой завесу густого пара, в который превращался снег под огромными ступнями, оно быстро шло за беглецами.

Эб попятился, не в силах отвести взгляда от горящих алым огнем глаз.

– Кто это? – шепотом спросил он.

– Протомедведь! – выдохнул Кастелян. – Ну почему, почему вокруг опять нет ни капли воды?!

Глава 10 ПРОТОМЕДВЕДЬ И ПЛАТО ЧУДЕС

– А снег?

– Снег – это не то, не то! Нужна обычная вода.

Склон дрогнул. Просунув пальцы в узкую трещину, Эб покосился вниз, на протомедведя, медленно и тяжело взбирающегося по склону за ними.

– Он нас догоняет.

– Так ползите быстрее!

Командовать, удобно устроившись на широкой спине Гагры, гораздо легче, чем взбираться по почти отвесному склону. Эб переставлял ногу, упирался носком в камень, отыскивал взглядом щель или выступ, хватался и подтягивался. Громко пыхтя, эльф полз рядом. То и дело на них падали тени от проплывающих по небу заклинаний. Пальто сильно мешало, да еще сверху иногда начинал сыпаться снег и попадал за шиворот.

Раздался низкий вой, склон опять дрогнул. Эбвин глянул вниз: огромное дымное тело ползло за ними, и там, где на склоне был снег, в воздух поднимались клубы сизого пара.

– Все-таки он догоняет нас.

Кастелян, вцепившийся всеми четырьмя лапами в шубу, повернул голову.

– Старый увалень, ты можешь быстрее?

– Гагра старается, – выдохнул эльф. – Гагра может упасть, если станет ползти быстрее.

– Я тебе упаду! Давайте, мы уже почти на середине... это еще что такое?

Выше из склона торчал куст, побеги его усеивали крошечные камешки. Очень необычные камешки – будто крупные капли, соединенные паутиной золотых нитей. Ветер дул не переставая, в потоке воздуха куст дрожал, издавая тихий звон.

Эб открыл рот, чтобы задать очередной вопрос, но Кастелян перебил его.

– Знаю, знаю, сейчас ты опять будешь спрашивать. Это путанка.

– Что такое.

– Заклинание, что же еще. Летело, да и зацепилась, наверное. Ползите к ней.

Склон затрясся так, что Эбвин чуть не сорвался. Рывком подтянув тело выше, он ухватился за один из побегов куста и глянул под ноги. Протомедведь был гораздо ближе, чем раньше, – Эб уже хорошо видел курящуюся дымом голову и алый провал пасти.

– Хватайся, Эбби! Гагра, придержи его!

Гаргантюа вытянул руку и ладонью уперся в спину Эба, прижимая его к склону. Кое-как просунув носки в трещину, Эбвин ухватился за другой побег, потолще. Из-под его ног посыпались камешки, и внизу протомедведь разинул пасть. Камни упали в алое отверстие, подняв снопы огня, исчезли. Из темного нутра твари донеслось бурчание.

– Не за куст, Эбби, возьми за путанку!

Эб послушался и положил руку на золотистую паутину. Возникло странное ощущение – он вдруг увидел заклинание как бы изнутри. Склон, Плато, протомедведь, Гагра и Кастелян, всё отодвинулось куда-то на задний план, а сам Эбвин невероятным образом переместился внутрь путанки. Нет, он все еще понимал, что находится там же, где и раньше, чувствовал падающий за шиворот снег, горящие огнем пальцы, но ощущения эти стали далекими, неясными.

Зато путанка была прямо перед ним, скорее даже – вокруг него. Во все стороны тянулись тонкие оранжевые волоски: потоки магической энергии. Они соединялись узлами, и каждый узел был мерцающей каплей магии. Все это казалось очень красивым, потому что путанка была тонким, сложным заклинанием, для создания которого требовалось немалое искусство...

Откуда-то издали донесся приглушенный голос:

– Эбби, я надеюсь, что не ошибался в тебе. Это заклинание сломано, почини его.

Сломано? Но оно так прекрасно в своем совершенстве, так искусно сделано и точно настроено... Тут он понял, что в глубине паутины посреди золотистых плетений висит темный комок. В том месте магические нити перепутались, отчего заклинание вышло из строя. Казалось, что причина очевидна, и исправить это будет легко. Теперь и склон и протомедведь исчезли окончательно, осталась лишь волшебная паутина. Пальцы Эба сами собой проникли сквозь тихо зазвеневшие сплетения. Он будто со стороны наблюдал за тем, как пальцы коснулись темного узелка, расправили несколько нитей, осторожно потянули за одну из них... вся паутина встрепенулась, магические узелки зазвенели колокольчиками.

– Бросай ее вниз, Эбби!

Бросить ее? Взять это изящное плетение, грубо схватить его и швырнуть куда-то? Он вновь повредит заклинание, теперь уже необратимо...

Шипящий сизый пар окутал Эбвина, и мир рывком вернулся на свое обычное место вокруг него. Лапа протомедведя опустилась на склон прямо у ног беглецов.

– Бросай!

Путанка зазвенела, когда Эб сорвал ее с куста и швырнул вниз. Она развернулась, широко распласталась в воздушном потоке и упала на тварь.

– Теперь вверх, скоро будет легче!

Эб все еще не мог стряхнуть очарование золотой паутины, так что Гагре пришлось сильно хлопнуть его по спине. Мотнув головой, Эбвин пополз дальше, слыша утробное ворчание протомедведя. Только лишь попав на более пологий участок склона, он рискнул оглянуться.

Десятки заклинаний летели над ними в одном направлении. Изогнутые буквы незнакомо языка, огненные змеи, звери из дыма и пара, необычные, получеловеческие фигуры – всё это медленно проползло на фоне неба и исчезало за краем Плато. Внизу протомедведь боролся с путанкой, запеленавшей его со всех сторон. Золотистые нити прожигали тварь, медленно погружались в нее. От протомедведя отваливались клубы густого дыма и сползали вдоль склона.

– Ему конец? – спросил Эб, забираясь в неглубокую расселину, тянущуюся наискось к вершине Плато.

– Нет, тварь справится с путанкой. – Кастелян, все еще сидящий на спине Гагры, глядел на Эба так, будто видел впервые. – Но ты задержал его. Значит, я не ошибся в своем предположении о том, как именно ты смог открыть магриловый замок Бардо Тодола.

* * *

– Так вот в чем дело! – произнес Тодол. – Интересный у тебя спутник, враг мой...

Беглецы достигли вершины Плато, и Бардо опять стало трудно разглядеть их. Черному глазу мешали испорченные заклинания. В своем обычном состоянии заклинания находились там, где положено, но те, что по какой-то причине сломались, могли оторваться и улететь. Заклинание слишком сложная штука, чтобы просто разрушиться. Магические облака, которые световые мельницы Тодола выцеживали из океана, были легче, летели выше и не оставались в долине, а попадали туда, куда Тодол и рассчитывал. Но заклинания накапливались на внешней долине Плато, ставшей из-за этого местом не слишком приятным. Ветра сносили их сюда со всего мира. Так уж был устроен этот мир – Плато находилось в самом его центре. Посередине Плато была внутренняя долина, и там...

Впрочем, Бардо полагал, что враги не смогут добраться до центра.

* * *

– Нет, я этого не вынесу, – произнес Кастелян. – Это же безумие какое-то!

На вершине Плато выяснилось, что заклинания здесь плывут над самой землей. Беглецы уже не шли, а то и дело скакали из стороны в сторону, пытаясь избежать столкновения. Долина тянулась далеко вперед, к двум сходящимся почти вплотную склонам, закрывающим центр Плато от взгляда.

Эльф вдруг подскочил, когда на него опустилось облако стрекочущих мушек.

– Тикают! – возопил он, отмахиваясь. – Они тикают на Гагру!

Эб шагнул к Гаргантюа, приглядываясь. Оказалось, что это не мушки, а маленькие золотые часики с веселыми рожицами на круглых циферблатах. У них были усы-стрелочки, глазки и изогнутые в ухмылке ротки.

Тик-так-тик-так-тик-так! – часики атаковали Гагру со всех сторон, цепляясь шестеренками за шубу.

– Уйдите! – Гагра замахал руками и побежал вперед, сопровождаемый весело стрекочущим облаком.

Тут же к ним подлетели большие настенные ходики с маятником.

ТИК-ТАК! – Маятник повелительно закачался, оставляя в снегу глубокие борозды. Стая наконец покинула эльфа, выстроилась клином позади ходиков и улетела куда-то.

– Заклинания вечного хода, – пояснил Кастелян, когда эльф, отделавшись от назойливых часов, вернулся. – Они пугливые, собираются в стаи... так, а это у нас что? Странно, не узнаю...

Он говорил о большой букве **Z**, медленно плывущей низко над землей. Буква была плоской и состояла из чернил, будто оставленных в воздухе росчерком великана. Возле путешественников она приостановилась и повернулась, разглядывая их. Затем, увидев что-то позади, заволновалась и быстро полетела прочь.

– Странно, странно, – повторил Кастелян. – Ведь все эти заклинания создал я. А этого не помню. Ладно, идем быстрее.

– Пойдите! – крикнул Эб вслед убегающим спутникам и бросился за ними. – Кастелян, так это ты создал все заклинания? А ты можешь вызвать другую прототварь, чтоб она сразилась с протомедведем? Ведь ты же наколдовал для себя защиту от взгляда черного глаза...

– Нет, я не могу вызывать тварей. Они из протомира, а тот целиком принадлежит Бардо. Тодол создал его. И вообще, я неспособен сейчас даже на средненькое колдовство. Мне нужно добраться до Зубастика!

– Зубастик... – повторил Эбвин. Слово казалось одновременно и забавным, и каким-то зловредным.

– Что такое Зубастик?

– Ты уже спрашивал. Такая... вещь. Когда-нибудь ты его увидишь. Он спрятан в одном месте, под носом у Тодола. Мне надо заполучить его. Возможно, при помощи Зубастика я смогу найти себе более подходящее тело. А еще он поможет мне вернуться в Цукат.

– А что такое Цукат? – спросил Эбвин.

– Ты постоянно задаешь вопросы. Цукат – это место, откуда мы с Тодолом пришли сюда. Гагра тоже из Цуката. Он был моим охранником и слугой. Решился сопровождать меня, когда я прятался от Тодола.

– Гагра верный, – подтвердил эльф на бегу.

Под их ногами что-то зашевелилось, снег вспучился, и беглецов разбросало в разные стороны. Толстое белое тело, покрытое выпуклыми кольцами, с единственным круглым глазом в передней части, изогнулось, окинуло окружающее взглядом, ввинтилось в снег и исчезло.

– Заклинание рытья, – пояснил магопес, трясая головой. – А это...

И тут ему на голову наступил волосатый слон.

Глава 11 ДЕРЕВНЯ ИСПОРЧЕННЫХ ЗАКЛИНАНИЙ

Тот, кто разбудил врага в Безвыходной башне, смог починить путанку – причем очень быстро. Опасный противник. Бардо Тодол то привставал, то опять садился на край ложа, наблюдая за тем, как зверушка медленно падает вдоль склона. А ведь оставалось всего ничего, беглецы были уже почти в ее лапах... Вот протомедведь пролетел половину расстояния, вот рухнул в снег, подняв клубы сизого пара. Тодол сощурился, пытаясь разглядеть, что происходит. Сквозь пар он видел раскаленные трещины на теле протомедведя. Тварь тяжело поднялась. Путанка почти исчезла, она дотлевала, а зверушка все еще была жива.

Глухо ворча, протомедведь помотал головой, затем посмотрел вверх, помедлил – и снова стал взбираться к вершине.

Бардо Тодол кивнул и произнес:

– Молодец.

* * *

Эб с Гагрой растолкали толпу заклинаний и склонились над глубокой круглой ямой. На дне ее, разбросав в стороны все четыре лапы, лежал магопес. Голова до половины ушла в спрессованный снег, так что видны были лишь глаза, лоб да уши.

– Магия для перемещения грузов, – сквозь зубы произнес Кастелян. – Гагра, вытащи меня...

Слон, весь заросший густой шерстью, медленно брел дальше. Двумя изогнутыми бивнями он катил перед собой облепленную снегом каменную глыбу.

Гаргантюа нагнулся, протягивая руку, тут что-то подтолкнуло его сзади, и эльф обрушился на Кастеляна. Эб успел схватить за рукав большую шубу, точную копию той, в которой красовался Гаргантюа, но только полупрозрачную.

– Заклинание для обогрева, – донеслось из расселины. – Старый увалень, если ты сейчас же не слезешь с меня...

Когда они выбрались обратно, Эбвин стоял спиной к ним и рассматривал хоровод книжечек-раскрасок, кружащих вокруг его головы. Книжечки тонко пищали. Мимо брело еще несколько слонов – все толкали перед собой каменные глыбы, кроме одного, почему-то катившего большую звезду из папье-маше.

– Что это такое? – прокричал Эб, мотая головой и вовсю отмахиваясь от шелестящих страницами книжечек.

– Опять вопросы? Заклинание, чтоб занять ребенка, пока родителям не до него. Пошли, пошли... ай!

Кролик на трехколесном велосипеде, с длинными ушами и злобной гримасой на морде, бешено вращая педалями, переехал Кастеляна, заложил стремительный вираж и укатил.

– Гагра, на руки меня!

Некоторые заклинания имели вполне материальный вид, другие стали полупрозрачными от старости. Путешественники двинулись сквозь пищашую, чихающую и гудящую толпу. Все вокруг двигалось, призрачные фигуры мерцали и переливались, изогнутые кольца магии плыли, закрывая небо. Эб ненароком наступил на ярко-зеленую вздувшуюся лягушку, и она тут же весело взорвалась, обдав путешественников фонтаном неприятно пахнущих брызг. Несколько попали Гагре на лицо.

– Жжет! – Эльф зачерпнул пригоршню снега и принялся тереть щеки.

– Шутихи! – взвизгнул Кастелян, увидев, что поле впереди усеяно зелеными лягушками. – Шуточное заклинание. У меня не получилось довести его до ума, может быть опасным...

Они побежали, стараясь не наступать на шутих. Облако мыльной пены, имевшее донельзя глупый вид, поплыло рядом с головой Эба, мешая смотреть, куда он бежит.

– Прачное заклинание!

Эб махнул рукой, отгоняя облако, и наступил на очередную шутиху. Та взорвалась, зеленые брызги прожгли в прачном заклинании глубокие дыры, оно сморщилось и опало. Тут же какое-то мерзко хихикающее создание бросилось под ноги Гагры, вцепилось в штанины и принялось скусывать длинную бахрому клыками, похожими на зубья пилы. Швырнув магопса в снег, эльф заскакал на одной ноге. Пытаясь стянуть с себя заклинание, он потерял равновесие, упал, но сразу вскочил и побежал.

Дальше тянулась узкая долина между склонами, но до нее еще надо было добраться, а вначале преодолеть... Эбвин заморгал, пытаясь понять, что именно им предстоит преодолеть.

Больше всего это напоминало детскую площадку. В городке Эбвина была такая – деревянные горки, качели, пара каруселей, игрушечные домики с лавочками. Здесь в основном стояли домики, хотя имелись и другие сооружения, и все это ярко раскрашенное в синие, зеленые, желтые и красные цвета. Позади что-то взорвалось с приглушенным хлопком, Эб оглянулся – над землей летел большой круглый таз. Он покачивался, у краев бултыхалась пена. Пролетая над толкающим каменную глыбу слоном, таз качнулся сильнее, сгусток пены отделился от него и упал. Мамонт исчез, растекся по снегу.

– Это же Ластик! – Кастелян от испуга, казалось, сам собой взлетел на руки Гаргантюа.

Эб не был бы собой, если бы тут же не задал вопрос:

– Что такое Ластик?

– Заклинание, которым стирают другие заклинания. Один из первых моих опытов. Наверное, у него старческий маразм. С ума сошел, такой он древний.

Под аккомпанемент глухих хлопков заклинания разбегались, пытаюсь ускользнуть от Ластика, хищной птицей парящего над ними. Путешественники успели сделать всего несколько шагов в сторону игрушечных домиков, когда впереди возникла и медленно поплыла навстречу странная фигура, напоминающая человеческую, но с таким множеством конечностей, что их хватило бы на дюжину осьминогов.

Сидящий на руках Гагры Кастелян как раз, положив передние лапы на плечо эльфа, смотрел назад, на Ластика, и не видел этого.

– А вот это что такое... – начал было Эбвин.

И тут обернувшийся магопес заорал:

– Королева Детской Площадки! Гагра, спасайся!!! – но было поздно. Фигура приблизилась, стало видно, что сверху до пояса она женская и одета в светло-синий халат с вышитыми алыми розами, а снизу представляет собой нечто вроде кучевого облака, из которого торчат во все стороны пухлые извивающиеся ручки с толстыми пальцами. В первый миг Эб удивился, заметив, что все эти руки имеют рукава из такой же, как у халата, ткани, а потом присел и вжал голову в плечи. Большое, словно надутое воздухом лицо с растянутым в ухмылке ртом и круглыми, как шары, розовыми щеками надвинулось на беглецов.

– Это главное заклинание здесь. – Магопес вновь спрыгнул в снег. – Я создал его по заказу одного детского сада, чтобы оно следило за детьми на прогулке... – он не договорил.

– Королева? – повторил Эбвин, и тут заклинание ухватило всех троих и подняло так высоко, что Эб зажмурился.

* * *

Он открыл глаза, огляделся и увидел небольшую круглую комнату с двумя отверстиями в стенах. Вокруг никого не было, хотя откуда-то снизу доносился ритмичный писк. На четвереньках Эб подобрался к ближайшему отверстию. Комнатка была поднята над землей на двух опорах, с одной стороны к ней вела лестница, а с другой – покато уходила вниз широкая деревянная горка. Она заканчивалась на гладкой площадке между игрушечными строениями. По площадке, выстроившись парами, словно дети на прогулке, шли заклинания.

Ветвистые олени рога на коротких кривых ножках в шерстяных носках подпрыгивали возле пузатой бутылки, наполненной ярко-оранжевыми верещащими и скачущими из стороны в сторону белками. Позади полз питон, у которого вместо головы был летучий змей с нарисованной веселой рожицей, рядом – улыбающаяся ушастая медуза, за ними еще какие-то невероятные сочетания вроде метлы на колесах и дивана с хоботом. Над площадкой, внимательно наблюдая за своими питомцами, парила Королева.

Эб улегся, чтобы его не заметили, и подполз к краю горки. Обычная детская горка. В парке города, где жил Эбвин, была похожая... Тут он увидел внизу знакомые фигуры. Кастелян семенит рядом с Гагрой – они топали почти в конце идущих строем заклинаний. За ними ковылял волосатый слоненок, короткими бивнями подталкивающий перед собой небольшой булыжник, плыла гроздь воздушных шаров, привязанных за веревочки к волочащейся по земле кривой зубастой пиле. Пила дергала веревочки и скрежетала зубьями, шары обиженно покачивались. Заклинания вместе со спутниками Эба шли по широкому кругу, над площадкой висел писк и шелест.

Гаргантюа вдруг побежал в сторону, к проходу между домиком и горкой. Королева, помедлив мгновение, устремилась за ним. Она пронеслась рядом с горкой, руки-щупальца вытянулись, ухватили эльфа за шиворот и приподняли.

– Отпусти! Отпусти Гагру! – Эльф, раскачиваясь и размахивая конечностями, повис в воздухе.

Королева укоризненно покачала круглой раздутой головой, словно пожилая учительница, недовольная баловством подопечных, отлетела назад и разжала пальцы на концах щупалец – Гаргантюа с воплем полетел вниз.

Он упал в толпу заклинаний и сразу же вскочил. Пританцовывая от ярости, эльф задрал голову и принялся грозить Королеве кулаком. Идущие сзади заклинания подталкивали его в спину, и Гагре ничего не оставалось, как вновь присоединиться к толпе.

Эбвин лежал, наблюдая за происходящим внизу, не зная, что предпринять. В небе летели клочья, разноцветные кольца и облачка магии. Слева, за деревней испорченных заклинаний, высились отвесные склоны, а справа была долина.

По ней приближался протомедведь.

Гагра с Кастеляном как раз оказались под горкой, когда она содрогнулась, будто что-то большое и тяжелое ударило в нее сзади. Толчок был таким сильным, что Эб не удержался и полетел головой вниз – на животе он съехал с горки прямо в толпу заклинаний и сшиб несколько. Вокруг тут же образовалась шевелящаяся куча мала, кто-то заверещал ему в ухо, кто-то уселся на спину, кто-то вскочил на голову. Расталкивая заклинания, Эбвин попытался встать, когда со всех сторон прозвучал хоровой вздох ужаса.

Стало легче, Эбвин сел, отплеывая набившийся в рот снег. Верхняя часть горки исчезла, медленно растворяясь в густой пене, которая выплеснулась из парящего над сооружением большого круглого таза. У таза не было ни рта, ни глаз, но почему-то он казался злым, хищным.

– Ластик! – Крик магопса прозвучал где-то далеко в стороне. Эб вскочил, вертя головой и пытаясь разглядеть спутников.

Заклинания, вереща, разбегались кто куда. Эб сделал шаг, его толкнули, он упал на четвереньки. Горка уже исчезла до половины, Ластик проплыл над ней и завис над площадкой. Он начал раскачиваться сильнее, так что пена забултыхалась над краями и стала падать вниз. Эб пополз, сам не зная куда, лишь бы выбраться с площадки. Краем глаза он видел, как Королева быстро подлетела к Ластик и попыталась ухватить его щупальцами, а таз поднялся выше, стараясь плеснуть пеной на нее.

Они сцепились, будто напавший на курятник волк и охраняющая этот курятник собака. Эб оказался почти под дерущимися – ему все никак не удавалось встать и побежать, каждый раз его толкали и вновь опрокидывали в снег. Перед глазами мелькнули концы веревочек, привязывающих гроздь воздушных шаров к кривой двуручной пиле. Та, извиваясь, будто змея, острыми зубьями перепиливала веревочки.

– Кастелян! – выкрикнул Эбвин. – Гагра, помогите!

Королева и Ластик вновь сцепились, таз качнулся, пена попала на Королеву.

А пила тем временем справилась с последними веревочками. Победно скрипнув зубьями, она распрямилась, будто живая пружина, и вскочила на волосатую спину улетающего со всех ног слоненка. Шары начали взлетать, Эбвин встал на колени и обеими руками вцепился в веревочки. Те натянулись, шары качнулись, почувствовав дополнительный вес, и Эба приподняло над землей.

Он увидел всю площадку, с которой разбегались последние заклинания, почти стертую Ластиком горку, Королеву – она уже лишилась большей части своих щупалец, но оставшись все еще пыталась сражаться с Ластиком.

Шарам тяжело было тянуть Эба, но все же они смогли подняться на высоту крыш и, повинаясь ветру, устремились к краю деревни. Ноги Эбвина зацепились за конек, потом он больно стукнулся коленями о черепицу. Пальцы начали съезжать с веревочек, Эб попы-

тался перехватить их поудобнее, но не смог. Шары закачались из стороны в сторону, пытаясь стряхнуть его, руки соскользнули, и Эб полетел вниз.

И вновь он очутился посреди толпы – гудящий рой испорченных заклинаний окружил его со всех сторон и накрыл с головой. Эбвин не видел теперь ни неба вверху, ни снега под ногами. Что-то хватало его, тянуло в разные стороны, облизывало лоб и щеки, щекотало за ушами и пыталось расстегнуть пальто.

Он с трудом выпрямился, сделал несколько шагов и повалился в снег, когда на его спину вспрыгнули два дико верещащих орлиных крыла. Откуда-то протянулась рука, ухватила Эба за воротник и потащила вперед. Некоторое время Гагра волок его по снегу, а после, когда гул заклинаний начал стихать, отпустил.

Эб перевернулся на спину и приподнял голову.

Деревня осталась позади, зато протомедведь как раз достиг ее. Косматая фигура возвышалась над домиками, атакуемая со всех сторон заклинаниями. Тварь махала лапами, ревела и медленно шла дальше.

Глава 12 ПРИЗРАЧНЫЙ ГОРОД

Испорченные заклинания не могли причинить зверушке особого вреда, так что Бардо даже повеселился, наблюдая за тем, как протомедведь топчет шутихи, разрывает на части мыльные облака, ломает велосипеды кроликов и наступает на мамонтов. Особенно эффективной оказалась схватка с Ластиком – в конце концов зверушка разломила таз пополам. Вскоре она выбралась из толпы заклинаний, и вот тогда Бардо нахмурился.

Враги вошли в долину между склонами. Протомедведь приблизился к ней, заглянул, остановился, словно раздумывая... и пошел следом.

– Тупая тварь, – в сердцах произнес Тодол.

* * *

С Кастеляном на руках Эб шел между двумя склонами позади Гагры. Шипение снега под ступнями протомедведя почти стихло, но вскоре его сменили треск льда и грохот камней – чудовище следовало за беглецами, проламывая и расширяя ущелье перед собой.

– Эй, куда мы идем? – прокричал Кастелян.

«Идем... дем... ем...» – разнесло между склонами эхо.

Эльф пожал плечами.

– Ты что, не знаешь? – опять закричал магопес.

«Знаешь... ешь... шшш...»

Между Гагрой и Эбом в снег упала большая сосулька.

– Тише, – произнес Гаргантюа. – Не надо кричать. Мы спускаемся к внутренней долине.

Ущелье сузилось, теперь и Эбу пришлось идти боком. Ход изгибался то влево, то вправо – и неуклонно вел вниз. Наверное, когда-то здесь текла небольшая горная речка. Грохот камней позади стал тише: протомедведь постепенно отставал.

Проход в очередной раз повернул, эльф исчез за поворотом.

– Тварь скоро потеряет нас, – донесся его приглушенный голос. – Смотрите, что здесь... хо!

Эб пошел быстрее. Ущелье заканчивалось небольшой площадкой, прилепившейся к склону. Стоя на ее краю, Гаргантюа молча глядел вниз.

Там был ледяной город, скопище пирамид и конусов, широких катков и крутых горок. В ясном, холодном свете зимнего дня лед казался серо-синим. Шпили строений, тонкие, будто спицы, достигали высоты, на которой находились сейчас беглецы. Постройки поменьше окружали большое здание, что возвышалось на другом конце города, – накрытый снеговой шапкой цилиндр из льда.

– Так-так-так... – Магопес вывернулся из рук Эба и прыгнул. Сопя, он встал на краю площадки, вытянул шею, разглядывая открывающуюся с этой высоты картину. – Старый увалень, ты знаешь, что мы видим?

– Гагра знает... – В голосе эльфа было благоговение. Он умолк, приглядываясь к тянувшейся вниз от площадки, вырубленной в камне лестнице.

– Спустимся, – решил Гаргантюа и осторожно поставил ногу на первую ступень.

Чуть позже Кастелян пробормотал:

– Очень интересно... Ведь это город Мануила...

Лестница закончилась, они сделали еще несколько шагов и очутились в царстве льда. Эб поскользнулся, чуть не упал и схватился за Гаргантюа. Эльф широко расставил ноги на скользкой поверхности, глянул по сторонам, приложив ладонь козырьком ко лбу.

– Нас ведет судьба, – объявил он. – Редко кому удавалось попасть сюда. Когда-то давно здесь жили горные эльфы. Большинство погибло, лишь некоторым удалось убежать от гнева Мануила. Это призрачный город, проклятое место.

Дома призрачного города напоминали большие колпаки – широкие у основания, кверху они сужались, заканчиваясь шпилями, похожими на тонкие острые сосульки.

Весь город состоял из чистого небесно-голубого льда. Путешественники прошли мимо кузницы и конюшни, миновали застывший фонтан. Звук шагов, отражаясь от ледяных поверхностей, далеко разносился над молчащими улицами.

Эбвин остановился, рассматривая плоский ледяной башмак, висящий над дверью одного из домов, – наверное, когда-то это была лавка сапожника. Он заглянул в треугольное окошко. Стекло превратилось в мутную пленку льда, но сквозь него просматривалась обстановка комнаты: стол со стульями, большой очаг, шкаф у стены. И все это – ледяное, даже посуда на столе.

Эбвин приник к окну, вглядываясь в сумрак комнаты. Пока он смотрел, спутники успели дойти до конца улицы; скрип снега под мокадинами Гагры и лапами Кастеляна стих, наступила тишина. Эб собрался уже последовать за ними, когда из домика донесся тихий звон. В полутьме комнаты шевельнулась тень. Звякнула тарелка, скрипнул стул. Эб замер, вслушиваясь и всматриваясь.

В комнате не было никого, но все же он видел их, бывших хозяев – целую семью, рассаживающуюся за столом. Они передавали друг другу тарелки, двигали стулья, брали ложки... Эб моргнул, отпрянул от окна, и тут позади раздался цокот лошадиных копыт по льду.

Нет, на самом деле никаких звуков он не слышал... скорее отголосок, бесшумное эхо цокота, звучавшего на улице когда-то давным-давно, столетия назад. Пытаясь понять, откуда он доносится, Эбвин шагнул от стены дома – и тогда из легкой пелены зимнего света вынырнула маленькая мохнатая лошадка.

Она тянула за собой двухколесную тележку, где сидел высокий эльф с вожжами в руках. Подковы звонко стучали по льду, лошадка всхрапывала и кивала головой в такт своим шагам. И животное, и телега, и возница казались бесцветными. Они напоминали серебристо-белый узор, который мороз рисует на оконном стекле. Цокот копыт стал громче, Эбвин не успел отпрянуть, и лошадка пробежала сквозь него. Перед Эбом мелькнуло лицо эльфа, сжимающая вожжи рука в меховой рукавице... а затем эльф и телега проехали сквозь Эбвина.

Он охнул и повернулся.

Никого вокруг, дома-колпаки высятся двумя рядами, ледяная улица пуста. Протомедведя не видно – наверное, тварь все еще не может выбраться из ущелья наверху. Даже черный глаз в небе куда-то подевался.

Раздалось покашливание, дверь башмачной лавки раскрылась. На самом деле Эбвин видел, что она закрыта, но в то же время рядом с ней возник дымчатый прямоугольник той двери, что открылась когда-то давным-давно. Пожилой башмачник вышел наружу: расплывчатый, подернутый инеем силуэт постоял, разглядывая улицу, и опять скрылся в лавке.

– Гагра! – закричал Эб и побежал по улице прочь. – Кастелян!

Навстречу ему шли прохожие – лишенные четких очертаний, будто закутанные в дымчатые меха силуэты плыли над мостовой по своим делам. Заржала лошадь, заскрипела дверь, засмеялся ребенок. Эбвин бежал все быстрее, петляя из стороны в сторону, стараясь ни с кем не столкнуться.

Когда он достиг площади, на которой высилась башня-цилиндр, улица уже наполнилась горожанами. Увидев Гаргантюа с Кастеляном, Эб резко встал, хватая широко раскрытым ртом морозный воздух. Его спутники были совершенно спокойны. Когда Эбвин появился, они равнодушно взглянули на него, будто не замечая того, что находятся посреди шумной толпы. Дети и взрослые, старики и молодые, конные и пешие двигались вокруг, проходили мимо путешественников и сквозь них. Над площадью стоял обычный городской шум, складывающийся из множества голосов, звука шагов, скрипа колес и лошадиного ржания.

– Эбби, что это с тобой?

Визгливый голос магопса прорезал призрачный гул, как острый меч – снежный сугроб. Все пронзительно зашипело, окружавшие Эба силуэты подернулись мелкой рябью и стали двигаться очень быстро, стремительно закружились. Хотя Эбвину показалось, что это он сам замедлился, почти застыл. Прижав ладони к ушам, он упал на колени. Шипение стало громче, силуэты срослись, слились в размытые полосы и вдруг пропали. Все смолкло, наступила тишина.

– Эй! – Гаргантюа положил на плечо Эба тяжелую руку. – Ты что-то увидел?

Эбвин молча поднялся. Они стояли на краю площади, впереди высилась башня, озаренная скудным рассеянным светом. Нигде ничто не двигалось – казалось, здесь ничего и не может двигаться, весь город застыл в тисках мороза столетия назад.

– Что ты видел? – повторил Гаргантюа.

– Да что он мог видеть? – спросил магопес. – То же, что и мы. То есть ничего.

Эб провел по лицу ладонью, освобождаясь от наваждения, и произнес:

– Я заглянул в комнату. Там были люди... то есть эльфы. Они садились обедать. Потом сквозь меня проехала лошадь с телегой. Я побежал. А здесь... – он умолк, вспоминая силуэты горожан.

Кастелян подошел ближе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.